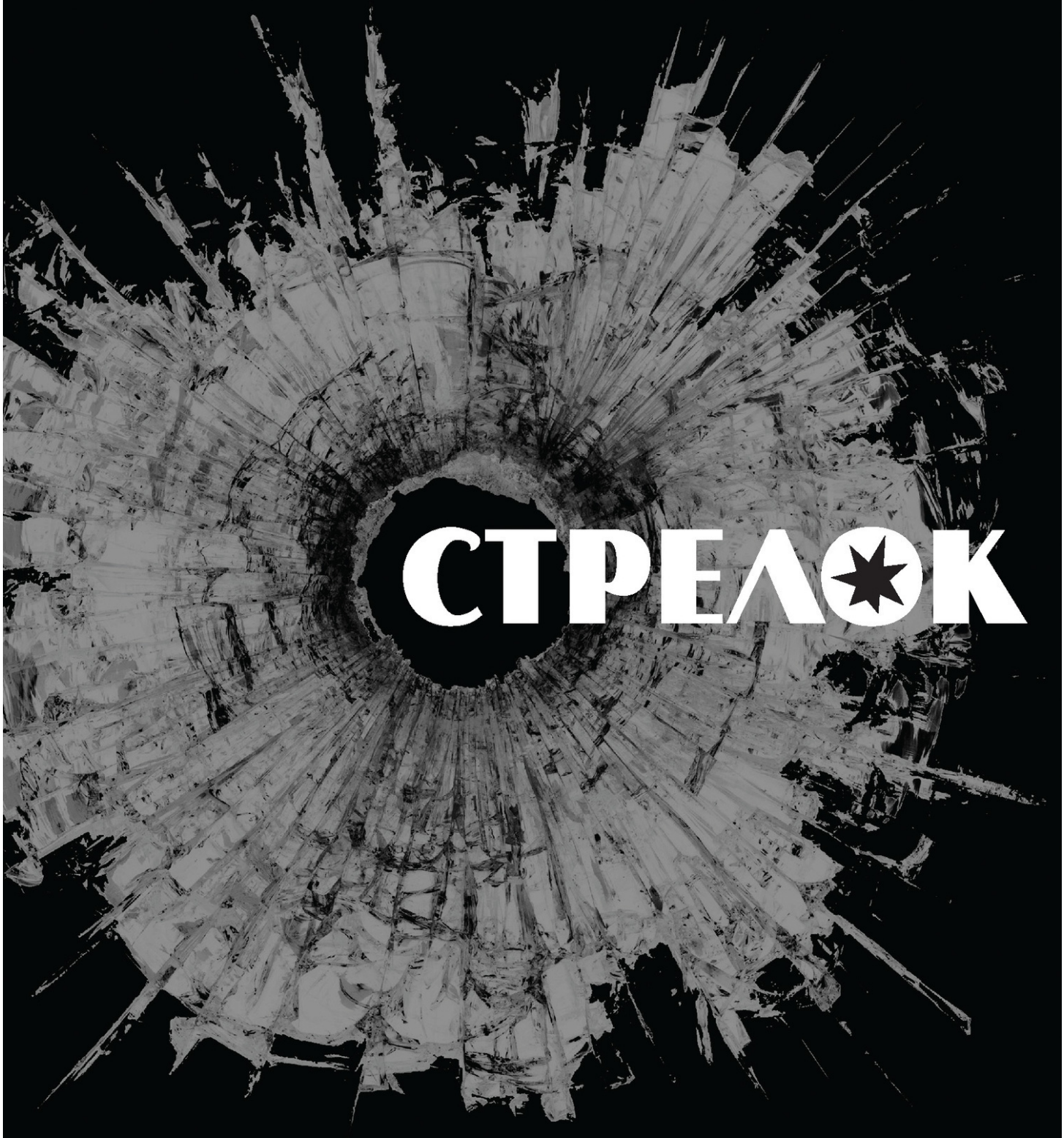
Бестселлер от обладателя Пулитцеровской премии

СТРЕЛОК

СТИВЕН ХАНТЕР

СЕРИЯ О БОБЕ ЛИ СВЭГГЕРЕ

Боб Ли Свэггер

Стивен Хантер

Стрелок

«Эксмо»
2017

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хантер С.

Стрелок / С. Хантер — «Эксмо», 2017 — (Боб Ли Свэггер)

ISBN 978-5-04-101019-5

Стивен Хантер – один из самых великих мастеров остросюжетного жанра. А главный герой его романов – Боб Ли Свэггер – один из самых ярких персонажей мирового триллера и кинематографа. В этот раз великий снайпер обратил свой острый взор в глубь десятилетий – в 1934 год, когда Америка начала жестокую войну против «врагов общества», бандитов и грабителей банков – Бонни и Клайда, Джона Диллинджера, Малыша Нельсона… Боб Ли Свэггер давно отошел от дел, связанных со стрельбой по живым мишеням. Он покинул родные края, продав участок земли и старый дом, где более 200 лет проживали все его предки. Но прошлое не отпускает людей просто так. Однажды Боб получил странное известие. Во время сноса дома на проданном участке из-под земли был извлечен сейф. А в нем… в нем лежали такие странные вещи, что лучше бы Бобу самому посмотреть на них. И Свэггер поехал смотреть. Еще не зная, что начал путешествие длиной в 80 с лишним лет…

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-101019-5

© Хантер С., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Прелюдия 6
Часть первая 8
Глава 01 8
Глава 02 14
Глава 03 20
Глава 04 25
Глава 05 30
Глава 06 36
Часть вторая 41
Глава 07 41
Глава 08 50
Глава 09 56
Глава 10 61
Глава 11 66
Глава 12 68
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Стивен Хантер
Стрелок

Посвящается покойному Джону, замечательному журналисту, замечательному человеку

Красавчик,
Другого такого не найти,
Я балдею от твоего лица,
Ты у меня красавчик!
«Красавчик», популярная песня, авторы Гарри Акст и Бенни Дэвис, 1926 г.

Stephen Hunter
G-MAN
Copyright © 2017 by Stephen Hunter

© С. М. Саксин, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

«…Грохочущее, отличное чтение. Боб Ли Свэггер, предстающий в образе «грязного Гарри»…»
Forbes.com

«Один из лучших романов Стивена Хантера».
Book Reporter.com

«Хантер обходит практически всех своих конкурентов по жанру, словно стоячих».
Daily News (NY)

«Хантер – великолепный рассказчик и настоящий мастер классического триллера типа «кровь стынет в жилах».
The Washington Post

Прелюдия

К востоку от Блю-Ай, штат Арканзас
Наши дни

Ножи грейдеров вспарывали землю, придавая ей необходимый профиль. Они сглаживали холмы, валили и выкорчевывали деревья, безжалостно расправлялись с порослью, сокрушали камни, засыпали ямы, срывали овраги. Оставалась одна лишь голая ровная земля. Все сложное становилось простым, в соответствии с новейшими принципами строительства. Размечались будущие улицы, в траншеях прокладывались трубы и кабели. Затем здесь вырастут дома, ровными рядами, вначале совершенно одинаковые, но вскоре им придадут неповторимый колорит их будущие владельцы. Это был прогресс – или, по крайней мере, развитие; это был рост, это был капитализм, это была надежда. Остановить все это невозможно, посему скорбеть бессмысленно.

Почти два столетия на этой земле проживала всего одна семья: первую заявку в конце XVIII века подала тихая супружеская пара, пришедшая из-за гор, оттуда, где как раз заканчивалась война. Они ничего не рассказывали о своем прошлом. Их потомки оставались здесь на протяжении семи поколений, и все это время они вели себя степенно, благообразно: ходили в церковь, жертвовали на благотворительность, вносили посильный вклад в общее дело в годину стихийных бедствий и лишений. Больше того, как оказалось, это было семейство героев. Мальчишки с детства обучались охоте; они овладевали терпением, присущим охотнику, выдержкой, мужеством, милосердием, честью. У них был дар обращения с огнестрельным оружием, и многие из них проявляли этот дар на войне. Одни возвращались домой с полей сражений, другие – нет. Кто-то становился служителем закона, поскольку в те времена это также требовало умения стрелять. Они принимали участие в поединках не на жизнь, а на смерть, и опять же одни возвращались домой, а другие – нет.

Их здесь больше не осталось. Последний из них продал эти земли за приличную сумму и поскорее бежал отсюда, не желая видеть, что станется с его родным домом, с домом его предков.

И вот подготовка территории заканчивалась. Оставалось всего одно старое здание, на вершине небольшого холма, господствующего над окрестностями, уютное, хоть и неуклюжее сооружение, которое на протяжении многих лет неоднократно перестраивалось и в конце концов полностью потеряло свой первоначальный вид. Для грейдеров холм был слишком большим, поэтому строительная компания привезла большой экскаватор «Катерпиллар», модель 326-ФЛ, по своему весу считающийся средним, и выпустила его на простор под управлением гениального профессионала по имени Ральф.

Со стороны это выглядело каким-то ритуалом юрского периода. Желтый тираннозавр рекс завалил бронтозавра или стегозавра и лакомился его мягким подбрюшьем. Поворотный ковш огромного «Катерпиллара», вооруженный клыками и резцами, вгрызался, раздирал и рвал, быстро расправляясь со стенами и полом, превратив всего за один день то, что еще недавно было большим домом, в большую груду обломков. На следующий день, используя ковш так, как художник использует кисть, Ральф убрал раздробленные останки двухсотлетней истории, загрузив их в самосвалы, которые отвезли мусор на свалку. Наконец на третий день оставался только один фундамент, и Ральф направил ковш продолжать пиршество разрушения, разбивая камни на мелкие куски и складывая их в кучу. Все шло согласно плану – до тех пор, пока не произошло нечто чрезвычайное.

Инженеры увидели, как Ральф остановил экскаватор, заглушил двигатель, отключил гидравлику, после чего выскочил из своей желтой будки, пробежал по гусенице, спрыгнул на

землю, нагнулся, пробираясь под стрелой, и добрался до ковша, застывшего на большом блоке фундамента, который не разрушился в соответствии с планом.

Подоспевшие инженеры быстро образовали комиссию по расследованию.

– Что-то случилось, Ральф?

– Сломался насос? Заклинило поршень?

– Гидравлический привод дал течь, Ральф?

Разумеется, на самом деле все это означало только одно: во что это нам выльется?

Но Ральф сидел на корточках, изучая то место, где зубы ковша – стальные клыки тираннозавра – вонзились в землю.

– Я что-то почувствовал, – объяснил он. – Понимаете, когда знаешь свою машину, начинаешь понимать любую вибрацию. Это был не камень, не труба, не глина – ничего похожего.

И принялся ковырять землю лопатой.

– На что это было похоже? – спросил кто-то.

– Какой-то металл. Не знаю, лист кровельного железа или…

Ральф умолк, что-то заметив. Нагнувшись, он присмотрелся внимательнее, воткнул в землю штык лопаты, налег на черенок, используя лопату как рычаг, – и наконец брызнул фонтан земли, словно при взрыве, открывая что-то хранившееся в Великом Подземелье.

– Господи! – воскликнул Ральф, вытаскивая сокровище. – Да это же сейф!

И это действительно был сейф, судя по виду, из тех, которые возила компания «Уэллс Фарго»[1], – желанная добыча ребят в плащах и шляпах, с лицами, закрытыми платками, с «винчестерами» в руках.

Члены комиссии столпились вокруг. Любопытство, пусть и ненадолго, пересилило необходимость соблюдать график.

– Быть может, там внутри золото, – предположил кто-то.

Ральф, чья гениальность была практического, а не созерцательного характера, несколько раз ударил штыком лопаты по навесному замку, умело направляя острие под дужку. После третьего удара старая сталь не выдержала режущего усилия и лопнула.

Отшвырнув сломанный замок в сторону, Ральф откинул крышку на заржавленных петлях. Члены комиссии склонились над железным ящиком.

Первоначально его содержимое разочаровало. Какой-то предмет, туго завернутый в плотный брезент, скрывающий его очертания, перетянутый сгнившими веревками. Достав из кармана джинсов нож, Ральф перерезал веревку и вспорол брезент. Под ним оказалась промасленная тряпка, и предмет, лишившись своего брезентового облачения, приобрел знакомые очертания. Наконец Ральф развернул тряпку и показал всем предмет, сверкнувший на солнце.

– Это же пистолет, черт возьми! – провозгласил он.

– Автоматический, сорок пятого калибра. Старый, – заметил кто-то, разбирающийся в оружии.

– Старый? – удивился другой. – Блин, да с виду он совершенно новый!

Все умолкли, потрясенные неожиданным открытием. Наконец кто-то сказал:

– Черт побери, бьюсь об заклад, этот парень расскажет увлекательную историю!

[1] "Уэллс Фарго и компания» – финансово-банковская компания и один из крупнейших в США коммерческих банков, основана в 1852 г. для предоставления почтовых услуг, грузо-пассажирских перевозок, банковской деятельности и торговли товарами повышенного спроса в штатах Тихоокеанского побережья. – *Здесь и далее прим. пер.*

Часть первая

Глава 01

Аркадия, штат Луизиана
23 мая 1934 года

Ничего особенного. Можно сказать, вообще ничего. Деревья, целый океан деревьев, зеленых и раскидистых, растущих так тесно, что за ними не был виден лес. И ближе – дорога. Щебенка. Недостаточно важная, чтобы носить такое важное название, как шоссе номер 154. Это намекало… ну, на цивилизацию, а здесь, в глухом захолустье, никакой цивилизации ведь не было, только щебенка и деревья, так?

Чарльз замыкал цепочку. Капитан Фрэнк поместил его здесь, потому что хотел, чтобы на всех ключевых местах находились те, кому он доверяет. Фрэнк был не из тех, кто полагается на случай; вот почему, имея на своем счету пятьдесят одного вооруженного преступника, он по-прежнему оставался в живых (хотя и был семнадцать раз ранен). И поэтому Чарльз затаился в зарослях в двадцати футах от щебенки, совершенно неподвижно, как и полагается настоящему охотнику на людей. Рядом с ним, хоть его и не было видно, затаился с большим «Браунингом» Тед Хинтон, полицейский из Далласа; дальше находились ребята из полиции Луизианы (Чарльз не запомнил их имен), затем Мэнни Голт, еще один верный друг капитана Фрэнка, снова парни из Луизианы, и, наконец, замыкая цепочку с другого конца, сам капитан. Все сидели на корточках или стояли пригнувшись, надеясь на то, что более или менее соблюдают неподвижность и тишину, охотники в засаде, хотя у одних это был прирожденный дар, а другие только делали вид, что знают, как себя вести. Кашель, шлепок ладони по комару, сглотнутый комок слизи, застрявший в горле, рука, чешущая затекшее место, шорох – все эти звуки были приглушенными; шляпы натянуты до самых ушей, поля опущены чуть ли не до глаз; многие догадывались, а кое-кто знал, что именно так положено вести себя настоящему стрелку.

Судя по обилию оружия, можно было предположить, что этот отряд собирается отправиться в рейд на фронтах Великой войны[2], и Чарльз это хорошо знал, поскольку сам во время войны не раз возглавлял рейды. Тогда, как и сейчас, в кобуре под мышкой у него был «Кольт» калибра.45 армейского образца, но только теперь к нему добавились короткоствольный «Винчестер модель 97», прислоненный к дереву, и еще одно замечательное творение мистера Браунинга, полуавтоматическая винтовка «Модель 8» калибра.35, в руках. Обойма вмещала пять мощных патронов, которые можно было быстро выпустить один за другим, просто нажимая на спусковой крючок, что не требовало особой сноровки.

Но Чарльз был грозным противником и без «железа». Сорока трех лет от роду, высокого роста, он словно состоял из одних лезвий. Длинное, твердое угловатое лезвие-тело. Острое лезвие носа, скулы, казалось, способные резать сталь, и все остальное длинное и тонкое – руки, ноги, пальцы на руках и даже ногах. Если посмотреть ему в глаза – что удавалось немногим, – можно было увидеть два куска черного антрацита, а когда они, прищурившись, сосредоточивались на чем-то, в этом черном появлялось отверстие. Хотя день обещал выдаться жарким, душным и пыльным, как обычно бывает в это время года в Луизиане – по меркам Арканзаса, это был бы июль, по меркам Чикаго, август, – Чарльз был в костюме-тройке из плотной серой шерсти в «елочку» со звездой шерифа на лацкане, туго затянутом галстуке, как обычно, и коричневых ботинках. Мягкая коричневая фетровая шляпа была надвинута низко на лоб,

[2] Великая война – так до Второй мировой войны называли Первую мировую войну.

словно защищая окружающий мир от его проницательных глаз. В целом Чарльз был похож на распорядителя похоронного бюро, что отчасти соответствовало истине, поскольку он поставлял клиентов похоронным бюро.

– Шериф, ничего там не видно? – послышался из зарослей приглушенный голос.

Это был Хинтон; не в силах долго соблюдать дисциплину охоты на людей, он на протяжении нескольких часов постоянно ерзал и разговаривал, словно находился на пляже или в баре.

– Ни хрена, – ответил вполголоса Чарльз.

Другой его отличительной чертой было необычайно острое зрение, с чем соглашались все. Вероятно, именно оно являлось ключом к меткой стрельбе, а в настоящий момент стало второй причиной, почему капитан Фрэнк поставил Чарльза в самый конец. Его задача заключалась не только в том, чтобы хорошо стрелять, но и в том, чтобы хорошо видеть; капитан рассчитывал на то, что Чарльз издалека заметит тончайшую дымку пыли, возвещающую о приближающейся машине, готовой перевалить через гребень холма под управлением ловкого и умелого водителя, и это будет означать начало настоящей работы и завершение долгого и мучительного ожидания.

Чарльз снова всмотрелся в даль в поисках пыли, но не увидел в атмосфере никакого возмущения и подумал, не станет ли эта засада пустой тратой времени, подобно всем предыдущим. Предугадать поведение этих двух птенчиков было крайне сложно, поскольку они подчинялись детской прихоти, отправляясь туда или сюда в зависимости от сиюминутного настроения. Это было все равно что охотиться не просто на воробьев, а на двух конкретных воробьев, пытаясь предугадать, где они окажутся, тогда как примитивный воробьиный мозг просто не способен был воспринимать концепцию будущего.

– Пожалуй, пора нам сматывать удочки. Лично я не возражал бы против стакана чая со льдом. У меня во рту пересохло, а на зубах скрипит пыль.

– Даже не думай об этом, – ответил Чарльз. – Капитан отдает приказы, а мы сидим на месте до тех пор, пока он не скажет нам уходить.

Снова осмотрелся вокруг. Деревья, деревья, деревья. На противоположной стороне дороги – старый грузовик и старик. Но на самом деле это были декорации к засаде, наживка, призванная заманить пугливых воробьев. Грузовик стоял на домкрате, снятое колесо лежало на щебенке. Старик сидел на подножке. Его звали Айви, и его сын связался со шпаной. Все происходящее происходило по договоренности с ним, благодаря ему. За то, чтобы с его мальчика Генри в Техасе сняли кое-какие обвинения, старик согласился держать охотников за людьми в курсе относительно беспорядочных метаний этой парочки, имеющей серьезные нелады с законом, и, если дело дойдет до засады, выступить в роли козленка на привязи.

Чарльз был родом из Арканзаса. На Великой войне он проявил себя сразу в двух армиях, канадской и американской. В 1923 году вышел победителем в знаменитой перестрелке во время налета на отделение Первого национального банка в Блю-Ай, расправившись с тремя крутыми ребятами из большого города, вооруженными солидными «пушками», – им вздумалось обчистить провинциальный банк. У него было два сына, и оба представляли собой загадку, каждый свою. Чарльз был шерифом округа Полк, штат Арканзас. Здесь он находился неофициально, по просьбе капитана Фрэнка, поскольку тот считал, что подошло время стрельбы, и хотел иметь рядом с собой тех, с кем ему уже доводилось работать в прошлом, а среди таких лучшим был шериф Чарльз Ф. Свэггер.

И вот, когда время приближалось к девяти часам утра, Чарльз наконец увидел. Всего лишь легкую серую пелену на фоне далекой зеленой стены деревьев – на самом деле ничего определенного, но для его острого зрения все было таким же отчетливым, как танцующая девушка.

– Машина направляется в нашу сторону, приближается быстро!

– Понял! – ответил Тед, и голос его слегка дрогнул, выдавая возбуждение. – Едут! Едут! Приготовились! – передал он дальше по цепочке.

Какое-то мгновение шум стоял такой, словно это был заводской цех, а не опушка леса. Лязг, грохот, стук, звон, треск – всевозможные звуки, издаваемые оружием. Щелкали флажки предохранителей, взводились курки, передергивались затворы, досылая патроны калибра.30-30 или крупную дробь. Наверное, если хорошенько прислушаться, можно было услышать также и негромкий свист дыхания: воздух, жадно втянутый в легкие ради живительной силы кислорода, теперь выпускался, поскольку каждый участник засады, почувствовав приближение настоящего дела, старался дышать ровно, чтобы совладать с дрожью, разлившейся по рукам, и со страхом, внезапно наполнившим мысли. Прогремит много выстрелов, воздух наполнится летящим свинцом, и пока что никто не мог предсказать со всей определенностью, чем все закончится.

– Айви, шевели своей старой сморщенной задницей и принимайся за домкрат! – последовал приказ капитана Фрэнка «козленку на привязи».

На лице старика отразился страх. Встав с подножки, он поспешил к домкрату и сделал вид, будто возится с ним.

– Ребята, все ждут моей команды. Я должен буду убедиться в том, что Айви не находится на линии огня, – спокойным голосом объяснил капитан, поскольку только у него и у Чарльза пульс не увеличился ни на один удар. – И опять же, может быть, это не они, а какой-нибудь священник-баптист, спешащий прочитать отходную умирающему негру. Нам не нужны мексиканские танцы, подобные тем, которые устроили федералы в «Маленькой Богемии».

Этого не хотел никто: были убиты и ранены невиновные, пули достались и федеральным агентам, а всем гангстерам удалось благополучно скрыться в ночи. Это было знаменитое фиаско, предупреждение всем, кто носил сталь, свинец и полицейский значок.

Лес наполнился шорохом: люди занимали полное напряжения положение для стрельбы. Многие предпочитали опуститься на одно колено, кто-то подворачивал ногу под задницу. Неуклюжий мешковатый Фрэнк, не заморачиваясь подобными вещами, просто устроился поудобнее. Чарльз присел, подобно бегуну, готовому взять старт, поскольку ему одному предстояло покинуть укрытие. Теперь, после того, как цель была обнаружена на дальних подступах, его задача заключалась в том, чтобы обойти машину сзади и вести огонь с тыла, после чего приблизиться и, если понадобится, довести дело до конца из своего «Кольта Гавернмент». Если по какой-либо случайности кому-нибудь из плохих ребят удастся выбраться из машины на эту сторону, Чарльз скажет последнее слово сурового правосудия, быстро поставив окончательную точку. Его длинный палец лег на флажок предохранителя «Модели 8», здоровенный кусок стали (еще одна причина, почему эту винтовку любили те, кто знал толк в оружии, поскольку тут не нужно было возиться с какой-нибудь крошечной кнопкой тогда, когда воздух был наполнен свинцом), и плавно его опустил. Приложив приклад к плечу, Чарльз напружинил нужные мышцы, чтобы выскочить из укрытия, низко пригнувшись, быстро обежать вокруг машины и приблизиться к ней с противоположной стороны.

Дальше настал час Теда Хинтона. Он был знатоком по части машин и постоянно следил за последними новинками из Детройта. Как только можно будет рассмотреть детали, Тед сразу же определит, действительно ли это серый «Форд 730 Делюкс» с восьмицилиндровым двигателем 1934 года. Похоже, именно этой машине – парочка меняла свои «тачки» при первой же возможности, поскольку парень, подобно Теду, предпочитал самую свежую продукцию из Детройта, – предстояло стать последним сигналом. После чего уже от них будет зависеть, остановятся ли они, чтобы помочь старику Айви разобраться со спустившим колесом, что поместит их прямиком в зону поражения, размеченную капитаном Фрэнком.

Чарльз увидел машину. Она мчалась, поднимая за собой облако пыли, поскольку парень, сидящий за рулем, знал свое дело и любил его, наслаждаясь ревом двигателя, вибрацией кор-

пуса, запахом бензина. Да, машина была серая, с обтекаемыми обводами, гордость мистера Форда. Она стремительно неслась по спящей щебенке, выбивая из нее пыль, то и дело пропадая из виду, но не в силах оторваться от своей движущейся сигнатуры.

– Видит бог, это она! – воскликнул Тед, слишком громко, ибо воздушный пузырь возбуждения у него в легких повысил регистр его голоса. Конец фразы ознаменовался громким непроизвольным глотком, так как ему пришлось избавить рот от излишков слюны и слизи.

– По моему выстрелу! – напомнил капитан.

В этот момент машина – находящиеся в ней уже заметили старика Айви и диораму трагедии спущенного колеса – начала плавно тормозить, сбрасывая скорость и подкатывая к грузовику. Она была в ста футах, в пятидесяти футах, в двадцати пяти и затем проехала прямо перед носом у Чарльза, настолько медленно, что он успел рассмотреть сгорбившегося за рулем парня. Боже милосердный, какой же тот был молоденький! Похожий на героя «Пострелят»[3], тощий, во все стороны торчат непокорные вихры, но, в стремлении походить на взрослого, одетый совсем как взрослый, вплоть до туго затянутого галстука.

Машина остановилась, и Чарльз вышел из зарослей, низко пригнувшись, чтобы занять исходную позицию. Он услышал, как парень крикнул в окно на удивление мелодичным голосом:

– Эй, папаша Айви, в чем проблема?

Поэтому Чарльз находился слева от машины, когда началась стрельба. Был первый выстрел – но второй, третий, четвертый и так до стопятидесятого раздались так часто, подобно ураганному ветру, что разобраться в независимости отдельных нот не было никакой возможности. Ближе всего к Чарльзу и, следовательно, громче всего был «Браунинг» Теда, творивший преисподнюю в виде шума, огня и свинца. Тед только что расстрелял полный магазин, выпустив все двадцать патронов калибра.30-06 за какую-то секунду и, возможно, один-два раза поразив цель. Тем временем Чарльз, поморщившись, мельком взглянул на всех остальных шестерых стрелков, ведущих огонь. Он буквально увидел летящий свинец – не как осязаемые отдельные предметы, а в виде своеобразного волнового возмущения, стремительно несущегося вперед, раздвигая атмосферу в своей жажде поразить живую плоть. Свинцовый ветер подул со стороны кладбища прямиком в машину и сквозь нее, и там, где пули попадали в машину – похоже, одновременно повсюду, – они с грохотом ударяли в металл, раздирая и искореживая его рубцами и кратерами, превращая стекло в бриллиантовую пыль, и все повреждения, казалось, были нанесены в первую долю секунды.

Продолжая крадучись продвигаться вперед, Чарльз приблизился к правому заднему крылу и заглянул в салон. Ему были хорошо видны оба подростка. Они сидели, обмякнув, за паутиной трещин, затянувшей лобовое стекло. Из их тел, а также из десятка пулевых пробоин на приборной панели исходил дым; утыканные стальными осколками, вырванными из корпуса «Форда», осыпанные превращенным в атомы стеклом разбитых окон, они застыли неподвижно, повинуясь уже вступившей в свои права смерти. У них был вид тряпичных кукол, который находят таким удобным мертвые, – подбоченившихся и абсолютно беззаботных, праздно расслабившихся, подчиняющихся одной только силе притяжения.

Но в этот момент, по закону фарса, нога мертвеца соскользнула с педали тормоза, и пока все стрелки, спрятавшиеся в зарослях, лихорадочно перезаряжали свое горячее, но пустое оружие, машина медленно поползла вперед.

Движением прирожденного стрелка Чарльз вскинул винтовку к плечу, нашел мушку там, где она и должна была быть – то есть точно и четко на расплывчатом очертании затылка мальчишки, запрокинутого на спинку сиденья, – и бессознательно идеальным плавным нажатием на

[3] «Пострелята» – комедийный короткометражный сериал, выходивший на экран начиная с 1922 г. В каждой серии – отдельный забавный случай из жизни веселых непоседливых малышей.

спусковой крючок выпустил большую пулю калибра.35 сквозь стекло, затуманив его паутиной. Пуля попала в самую середину, разбрызгав повсюду вокруг смешанное с осколками кости мозговое вещество; затем, невзирая на сильную отдачу, Чарльз развернулся и всадил вторую пулю в спинку соседнего сиденья, отчего девушка, живая или мертвая, обмякла, а в месте попадания вырвалось облачко пыли и мусора, смешавшееся с токсинами, уже кружащимися в воздухе.

К тому времени как полицейские перезарядили свое оружие или схватили новое, машина успела откатиться дальше по дороге, и они снова открыли пальбу, совершенно бессмысленную, еще больше раздирая и коверкая машину. В этом не участвовал один только капитан Фрэнк, ибо он знал, что на сегодня работа закончена.

Машина остановилась на левой обочине, накренившись, но не упав в канаву. Она напоминала металлические кружева, салфетку «Форд» – столько дыр в ней проделали израсходованные против нее боеприпасы. Над капотом поднимался дым, из салона, где лежали трупы, еще теплые, доносился шепот. Тем временем все вокруг затянул плотный туман порохового дыма, вызывая слезы в глазах, горечь на языке и привкус пыли на губах.

Приблизившиеся к машине, ребята изучали творение рук своих, но Чарльз был свободен от любопытства, поскольку по долгу службы уже достаточно насмотрелся на изуродованные человеческие останки. Человек, получивший пулю в лоб, выглядит абсолютно одинаково что в окопах во Франции, что в восьмицилиндровом «Форде» в Луизиане.

– Больше они никуда не уедут, – заметил кто-то.

– Это уж точно. Яичко разбилось.

– Не так уж они страшно и выглядят.

– Шпана. Мокрые крысы или собаки. Может быть, бурундуки.

– Похоже, мы убили маленького Непоседу, – добавил еще кто-то. – Осталась одна прическа.

– Допрыгался.

– Как решето. Мы проделали тысячу дыр.

Чарльз понимал, что это означает: конец Бонни и Клайда.

* * *

Прошло несколько минут, пока ребята остывали от накала стрельбы и возбуждения. Теперь всех охватила апатия, никому не хотелось ничего делать, хотя дел было много. Кому-то нужно было возвращаться в Гибсленд и позвонить куда следует. Запустив тем самым карусель. Кому-то нужно было доставать из изрешеченной машины оружие, а беглый осмотр показал, что у двух бандитов его с собой было столько, что хватило бы на целую армию. Но все это могло подождать.

– Ребята, хорошенько посмотрите сюда, – сказал капитан Фрэнк. – Подходите ближе, запоминайте подробности. Смотрите на то, что мы сделали сегодня. Чтобы через двадцать лет никто не жалел о том, что не посмотрел. А если у кого есть какие-либо сомнения насчет того, что мы начали стрелять первыми, взгляните на два ружья у Клайда под ногами и на сорок пятый калибр у Бонни на коленях. Если б мы дали им шанс, они огрызнулись бы и забрали с собой стольких из нас, скольких смогли бы взять на мушку.

Он подошел к Чарльзу и отвел его в сторону.

– Ты точно не желаешь принимать в этом участия? Эта перестрелка станет знаменитой, хотя с таким же успехом мы могли дырявить железную бочку. У тебя есть шанс войти в легенду. Плохо от этого никому не будет. Газеты обожали эту парочку с тех пор, как увидели снимок девчонки с сигарой.

– Нет, – ответил Чарльз. – Спасибо, Фрэнк, но это не в моем вкусе. К тому же гражданам Арканзаса нужно, чтобы их шериф был дома, делал свою работу, сажая пьяниц в кутузку, а не устраивал засады вместе с Фрэнком Хеймером.

– Ну хорошо, твоя фамилия не попадет в газеты. На тебя всегда можно положиться. Как я уже говорил, если предстоит пускать в воздух свинец, я хочу, чтобы Чарльз Свэггер был на моей стороне.

Глава 02

Неподалеку от Каскейда, штат Айдахо
Наши дни
«Господи милосердный, почему я так долго зажился на этом свете?»

Он был старый, очень старый. Ему шел уже семьдесят второй год. Дела у него шли неплохо, но бывает и получше: он действительно чувствовал себя ущемленным в мелочах. Но хуже всего были кошмары, несмотря на то, что сон приходил с трудом, а по утрам стряхнуть его становилось все труднее. И еще он все время мерз, черт возьми, после целой жизни, проведенной по большей части в жарких местах. У каждого сустава теперь была своя собственная отдельная мелодия боли, зуда, скрипа, треска и хлопков. Недавно ему в третий раз заменили бедро, и оно прижилось просто прекрасно, став теперь его самым сильным, самым гладко работающим шарниром. Словно заклятый враг превратился в нового друга. Ригидность приходила и уходила, и когда у нее возникало желание нанести визит, это была самая настоящая чума, грызущая его повсюду подобно полчищу крыс. Она превращала первые несколько шагов, нетвердых, шатающихся, в комедию судорожных движений и кряхтения, направленных на то, чтобы удержать равновесие. И это еще не все: он ронял предметы, постоянно, и к тому моменту как ронял их, уже успевал начисто забыть, зачем вообще их брал. Он падал, нечасто, но падал. Пока что он еще ничего не ломал, но в прошлом году в центре Бойсе здорово упал на левую руку, и хотя врач заверил его, что перелома нет, рука потом целых три месяца весьма правдоподобно притворялась сломанной.

Но вот вкус воздуха по-прежнему оставался приятным. Он иногда делал глубокий вдох, втягивая в себя как можно больше, просто наслаждаясь врывающимся в легкие сильным, холодным потоком, чувствуя, как они расправляются, – и это было удовольствием с половиной.

Прочие радости: старые друзья. Верная жена, которая отказывалась воспринимать его чересчур серьезно и обижаться на его слова. Двое детей, уже взрослых, и младшая, приемная дочь, на Восточном побережье, в каком-то заведении под названием Принстон. Очень толковая девочка.

Ну и деньги. Он разбогател – по-настоящему разбогател, если не мерить стандартами нефти, – а это означало тепло и уют, и достаточно свободных денег на патроны. Он содержал семь конюшен в четырех штатах и имел связи с тремя десятками ветеринаров по всей стране. Отчасти – благодаря слуху о том, что он бывший герой-морпех (что соответствовало правде), но в основном это объяснялось тем, что у него никогда не было энергии на сутяжничество, он выкладывал правду в самых простых выражениях, и людям, похоже, это нравилось. Далее, он сопротивлялся долгие годы, но в конце концов продал тот участок земли в Арканзасе, на котором его предки жили на протяжении двух с лишним столетий, с тех самых пор, как какой-то парень пришел со своей беременной женой из-за гор в самом конце войны за независимость, – и земля, которую он купил, с последующими приобретениями, принесла неплохие деньги его потомку в седьмом колене. Боб никогда не считал эту землю вложением капитала – просто кусок прошлого, с которым он никак не мог расстаться. Однако определенно это оказалось очень выгодным вложением: вырученная за участок сумма получилась значительной – очень значительной. Это означало, что теперь он мог позволить себе самые разные классные штучки; вот только проблема заключалась в том, что они были ему больше не нужны.

Итак, теперь оставался только один вопрос: что дальше?

Пока что ничего.

Произошло и так уже достаточно всего, посему он полагал, что «ничего» – это просто замечательно. «Ничего» означало трехчасовую прогулку верхом по землям, полностью при-

надлежащим ему, еще час ухода за лошадью, затем три-четыре часа работы в мастерской над той или иной винтовкой (в этом году – «Чей-так» калибра.375 на дистанции три с половиной тысячи ярдов, и черт его побери, если у него нет в Айдахо трех с половиной тысяч ярдов, где можно будет проверить, на что способна эта красавица). Затем – Интернет, общение по электронной почте со старыми друзьями, разбросанными по всему миру, в том числе журналистами и сержантами в отставке, русскими бандитами, офицерами японских сил самообороны, агентами ФБР, тысячью с лишним бывших морских пехотинцев, родственниками тех, кого нет в живых, кого он любил, кто умер у него на глазах, и так далее, и так далее. Все было просто замечательно. Вот только на самом деле ничего замечательного не было.

– Тебе нужно какое-то занятие, – повторяла ему жена. – Ты не создан для безделья. Дайте Свэггеру задачу – и он раскроется во всей красе. Если же позволить ему дрейфовать по течению, он окажется в вытрезвителе.

– У меня есть задача, – отвечал он. – Я собираюсь полностью износить полозья этого проклятого кресла-качалки.

Вообще-то он мог это осуществить. День за днем, волшебный час с пяти до шести, сидел на крыльце в кресле-качалке, смотря на то, как в прерию приходят перемены, меняются времена года, далекие горы одеваются в снег и сбрасывают его, листья кружатся и исчезают и затем спустя полгода словно по волшебству появляются вновь. Порой дул ледяной ветер, порой мягкий ветерок приносил запахи летних цветов. Ветер дул всегда, резвились олени и антилопы, небо преимущественно было затянуто облаками, но красивыми, похожими на причудливые за́мки, с башнями, подъемными мостами и потайными проходами, сияющими в лучах солнца, клонящегося к горизонту. Ему было хорошо. Честное слово, хорошо.

«Мне ничего не нужно, – говорил он себе. – Моя жизнь кончена, я совершил все, что мог совершить. Теперь я слишком стар и ни черта не могу; остается только смотреть на своих детей и приумножать состояние, хотя они еще не догадываются, какие деньги им достанутся».

Но жена ему не верила.

– Не надо ничего опасного, со стрельбой. В тебя и так много стреляли, и по большей части промахивались.

Когда она говорила «по большей части», все до одного затянувшиеся шрамы, которые он носил на своей шкуре подобно кольчуге, оживлялись и выдавали свои замечания.

– Нужна цель, какое-то занятие, которое доставит тебе удовольствие самим процессом, а затем – завершением, и это станет венцом, после чего ты сможешь встретиться со своим отцом, и тот тебе скажет: «Я тобой горжусь».

– Я слишком стар и слишком устал, чтобы браться за что-либо новое.

– Ты чувствуешь себя старым и усталым, потому что не делаешь ничего нового, а не наоборот. Найди дело, и ты найдешь силы.

– Я уже достаточно насмотрелся на этот мир. К тому же аэропорты теперь стали похожи на лагеря для беженцев.

– Никаких путешествий. Я считаю, тебе нужно написать книгу.

– О, просто замечательно. Моя грамматика ломается через каждые десять минут, и я начинаю изъясняться на пещерном английском, а ты хочешь, чтобы я написал книгу?

– Человек, употребляющий в своей речи такие слова, как «изъясняться», сможет написать книгу.

– Моя жизнь никого не интересует. А если кого-нибудь и заинтересует, никто все равно мне не поверит. А если кто-то поверит, меня арестуют. Мне и так повезло, что я по эту сторону тюремной решетки, а все мои враги мертвы и все долги полностью выплачены, деньгами и правосудием. Пора успокоиться и почитать книги, а не пытаться их сочинять.

– Я думала о том, что в последние годы доставило тебе самую большую радость, если не считать детей. И это случилось тогда, когда вы с Рейли вернулись из России, где узнали всю правду про ту женщину-снайпера, которая была героем. Ты тогда был счастлив[4].

– До сих пор счастлив, – сказал он, потому что это была правда. – Она – настоящий герой, а не какой-то липовый везунчик вроде меня; она заслужила славу. Теперь ее лицо есть на российской марке, она – герой книги Рейли. Да, это до сих пор греет мне сердце. Но… Ты должна признать, что Рейли лишь по чистой случайности нашла эту женщину. Вряд ли мне еще раз так же повезет.

– Моя мысль: твой отец. Он был великий человек. Ты его очень любишь. Необходимо рассказать его историю. Сын шерифа в бедной глуши Арканзаса поступает на службу в морскую пехоту и участвует во всех пяти главных операциях на Тихом океане, получает «Медаль почета» за Иводзиму, совершает новые подвиги, ставшие легендой, и трагически погибает в расцвете сил на кукурузном поле от пули какой-то шпаны в футболке, с баками, как у Элвиса Пресли.

Это не совсем соответствовало действительности, но ничего, сойдет.

– Вряд ли я это смогу, – признался он.

– У тебя по-прежнему остаются знакомые в морской пехоте, так что никаких проблем с документальной информацией не будет. У тебя есть юрист из числа старой аристократии Арканзаса в лице Джейка Винсента, а у него очень хорошие связи. Он откроет перед тобой те немногие двери, для которых окажется недостаточно одной фамилии Свэггер. Можно будет разыскать стариков…

– Разве есть кто-то старше меня?

– …разыскать стариков, собрать слухи, воспоминания, старые фото. Можно будет почитать. В библиотеках полно исторических трудов, в которые никто никогда не заглядывал. Думаю, это будет увлекательно. К тому же у тебя это отлично получается: распознание образов, дедукция, воссоздание того, что произошло в действительности, вместо слепой веры в общепринятые заблуждения… А когда ты завершишь, возможно, Рейли найдет какого-нибудь настоящего писателя, который изложит всю эту информацию в прозе.

– Меня как-то не по себе… Черт возьми, я хотел сказать, мне как-то не по себе.

– Ты боишься. Свэггер во всем свете не боялся никого и ничего. Но боится и этого.

– Правильно. Там, позади, нет ничего хорошего. Но дело не в моем отце Эрле. А в его отце, Чарльзе, шерифе. Он – сплошная загадка. Еще один стрелок. Это он меня пугает.

Что было правдой. Свэггеры на протяжении многих лет мужчины с оружием. А представителям трех последних поколений, Чарльзу, его сыну Эрлу и сыну Эрла Бобу, оружия досталось с лихвой, и жизнь каждого из них была определена войной. И сюда можно добавить еще сына Боба Рея, в настоящее время работающего в ФБР, чью жизнь определила непримиримая война с терроризмом, ведущаяся в самых страшных «песочницах» планеты. То есть четверо подряд. И все они обладали той самой неповторимостью Свэггеров, выделявшей их, – благословение или проклятие, в зависимости от требований обстоятельств. Кто бы знал, откуда это – врожденный дар обращаться с огнестрельным оружием, понимать его и поражать цель с первого выстрела, всегда…

Но именно Чарльз, дед Боба и отец Эрла, был среди них самым странным. Герой Великой войны, он вернулся в округ Полк и посвятил свой талант работе помощником шерифа; затем стал шерифом округа. Однако почему-то этому человеку не хотелось, чтобы его дела были известны всем, чтобы посторонние копались в его жизни. Он был одиночкой, молчаливым и обособленным, блистающим с оружием в руках, но в остальном нелюдимым, без друзей, без общества, без смеха и рассказов о своих похождениях. Он просто олицетворял голую силу,

4 Об этом рассказывается в романе С. Хантера «Честь снайпера».

одной своей репутацией – особенно после перестрелки в 1923 году в Литтл-Роке с тремя головорезами по фамилии Уоррены (окончательный счет: шериф – 3, братья Уоррены – 0), отгоняя нехороших ребят от Полка. Быстрая рука шерифа означала верную смерть.

Но – тут история была неясной, туманной, обстоятельства постоянно менялись, – что-то упорно указывало на то, что Чарльз не просто стал угрюмым и раздражительным пьяницей, но и пошел против закона, который охранял. В 1940 году в Хот-Спрингс произошло ограбление поезда, работали настоящие профессионалы, и они попросту исчезли. Несомненно, их провел через лес кто-то прекрасно знакомый с этими местами, а Чарльз охотился здесь всю свою жизнь. Неужели у кого-то было на него что-либо? И его прижали к стене? Тут чернела клякса, большое пятно, предостерегавшее всех держаться подальше.

Но если в служебной карьере Чарльза Свэггера были тайны, его личная жизнь была окутана и вовсе непроницаемой пеленой. Почему Эрл, отец Боба, никогда не рассказывал о своем старике? Ненависть, страх, гнев, непрощенные обиды? Это могло быть все что угодно, но только не безразличие. Почему Эрл в шестнадцать лет ушел из дома и поступил в морскую пехоту? И был еще Боб Ли, тезка Боба, брат Эрла. Второй сын Чарльза, похоже, паршивая овца. Он повесился в 1940 году – примерно тогда же, когда состоялось ограбление поезда. Почему? Чарльз издевался над младшим сыном – или же тот окончательно спятил, потерял надежду вернуться на правильный путь и рассудил, что нет смысла идти дальше? Почему все это было окутано тайной? В любом маленьком городке есть свои скандалы, и в Блю-Ай этот был самый смачный, однако было в нем что-то такое, из-за чего и семьдесят пять лет спустя люди предпочитали обходить его стороной. Неужели правда была слишком страшной?

Свэггер решил выбросить все эти мысли из головы. Но прошлое подобно большой кошке, черной пантере, которая, выскользнув из клетки, далеко не уйдет. Вместо этого она будет бродить вокруг, метить территорию, выть по ночам, мелькать неясной тенью тогда, когда ее меньше всего ждешь, зловещая и в то же время манящая к себе; невидимая, будет рыскать поблизости, нападать, оставляя за собой окровавленные туши. Боб знал, что она обязательно вернется.

Она нагрянула как-то утром, когда Боб объезжал верхом свои владения. Горькое воспоминание спрыгнуло с дерева и набросилось на него, раздирая так и не зажившую до конца рану – гибель Эрла Свэггера в 1955 году. Рана открылась, причиняя адскую боль; потекла кровь. У Боба в голове возник образ, который он ненавидел больше всего на свете: в тот последний день его отец уезжает с фермы, в черной с белым полицейской машине, и машет своему единственному сыну.

Откуда берутся такие люди? Как человек может отдавать так много и требовать так мало? Откуда берется бесконечно чистая духовная сила? Источник обязательно должен быть. Точно так же как характер Боба был сформирован стремлением подражать идеалу своего отца, теперь Боб видел, что Эрл был выкован на другой кузнице; он жаждал стать полной противоположностью своему отцу, полной противоположностью Чарльзу. И жизнь свою направил так, чтобы никогда не превратиться в черную тень, омрачавшую ее, в своего отца. И посему – да, бесспорно, то, кем стал отец Боба, имело непосредственное отношение к тому, кем был шериф.

Все началось с шерифа. Кем он был? Почему стал таким? Бобу было страшно.

* * *

И в тот же самый день вечером – совпадение было случайным, поскольку он был слишком мудр и слишком стар и верил, что вселенной заправляет чистая прихоть, – Боб заглянул в ящик электронной почты и увидел что-то совершенно неожиданное. Сообщение от Джейка Винсента, юридическая фирма «Смазерс, Винсент и Николс».

Джейк Винсент, один из сыновей Сэма Винсента, поверенный Боба в Арканзасе, преуспел на юридическом поприще и стал партнером крупной фирмы в Литтл-Роке. Он представлял интересы Свэггера в деле продажи участка земли крупной строительной корпорации, решившей возвести на нем жилой комплекс, – и прекрасно справился со своей задачей, расставив все точки над «i». Целое состояние было потрачено на почтовые марки, но в конечном счете сделка была заключена и деньги оказались на счету Боба. У него не было никаких оснований сомневаться в том, что Джейк выполнил свою работу великолепно.

«Боб, – гласило сообщение, – в связи с твоей бывшей собственностью всплыло одно маленькое и весьма странное обстоятельство. Мне как-то не хочется обсуждать это по электронной почте и даже в письме. Ты не мог бы позвонить мне вечером на сотовый?» Далее следовал номер.

Боб сразу же позвонил.

– Джейк, это я.

– А, не заставил ждать… Большое спасибо.

Они немного поговорили о последних новостях, о состоянии дел, о политической жизни Арканзаса, о шансах местных футбольной и баскетбольной команд, о своих детях.

– Ну а теперь к делу. Знаешь, Боб, произошла очень странная штука…

– Выкладывай.

– Как твой поверенный я должен официально предупредить тебя – это не только в твоих интересах, но также и в моих, – что информация, которую я тебе сообщу, предполагает факт совершения федерального преступления, и если ты не доложишь о нем, то сам подвергнешься преследованию. Все это крайне неопределенно, но я не зарабатывал бы свой хлеб, если б не предупреждал своих клиентов о подобных вещах.

– Какое именно преступление?

– Предположительно, получение краденого имущества.

Господи, неужели Эрл украл и припрятал четверть миллиона, и это сейчас вскрылось? Боб не хотел ничего об этом знать.

– Господи… – пробормотал он.

– Речь идет о двух предметах. Первый – это пистолет «Кольт» сорок пятого калибра, серийный номер 157345С. Мы обратились в компанию «Кольт» и по номеру установили, что данный пистолет был в партии, закупленной в двадцать восьмом году – в том самом, когда ее выпустили, – Почтовой службой Соединенных Штатов. Это не армейская модель, а коммерческий вариант, который использовался различными правоохранительными ведомствами. Так вот, каким именно образом, я не знаю, но в конце концов этот пистолет оказался в стальном ящике, спрятанном под фундаментом твоего дома. Все указывает на то, что он был получен незаконным путем. Его тщательно спрятали бог весть когда, а когда дом рушили, экскаватор, разбирая фундамент, зацепил ковшом за угол ящика и вытащил его из земли.

– Тут я точно ничего не знаю, – сказал Боб. – Знаю, отец принес с войны «Томпсон», но после его смерти мать отдала его полиции штата, опасаясь неприятностей с законом. Однако если б это был пистолет, который отец забрал из морской пехоты, – наверное, во время войны такое случилось с миллионом «сорок пятых»…

– Не меньше. Знаю, такой был у моего отца.

– …то на нем был бы правительственный серийный номер и надпись «Собственность правительства США», так что, похоже, этот пистолет не из морской пехоты. Ты сказал, там было еще что-то, возможно, краденое?

– Да.

– Жду не дождусь.

– Тысяча долларов наличными.

– Тысяча!

– И сейчас приличная сумма, а тогда она была гораздо больше.

– Быть может, отец конфисковал деньги во время какой-нибудь облавы. Быть может… ну герой не герой, ангелом он точно не был, и такие деньги в пятьдесят пятом году, неучтенные… понимаешь, возможно, он просто решил… – Боб не договорил.

– Не думаю. Во-первых, это одна купюра. Тысячедолларовая. Кроме того, судя по виду, совершенно новая, не бывшая в обращении, что может означать самые разные вещи. По серийному номеру мы установили, что это купюра тридцать четвертого года. Мы связались с одним нумизматом; возможно, что-нибудь удастся узнать в казначействе. Но на это уйдет время. Может быть, несколько месяцев.

– Ну серийный номер тридцать четвертого года и то обстоятельство, что купюра не была в обращении, показывают, что Эрл Свэггер не может иметь к ней никакого отношения. В то время он служил в морской пехоте, находился в Китае или Никарагуа, домой вернулся только через два года, – так что никак не мог к ней прикоснуться. Это большое облегчение. В любом случае деньги нужно вернуть как можно скорее, вместе с пистолетом, и на том закончить.

– Далее, еще одна деталь оружия… по крайней мере, мы считаем, что она имеет какое-то отношение к оружию. Это обработанный на металлорежущем станке цилиндр – качество обработки очень высокое – просто гигантский, чересчур большой для любых винтовок и ружей того времени. Быть может, это дульная насадка пулемета. В цилиндре пробито множество щелей. Тяжелая штуковина.

– Понятия не имею, что это может быть.

– И еще пара странных предметов. Во-первых, что-то вроде карты. Очень грубая – просто план с изображением, как я понял, какой-то странной стены, далее десять шагов до отметки, скорее всего, обозначающей дерево, после чего еще несколько шагов до крестика, которым отмечено некое место.

– Гм.

– Боб, быть может, новенькая купюра украдена из банка. А под крестиком спрятаны другие деньги, много денег. Но, разумеется, если не знать, что это за здание, от плана нет никакого толка.

– Да, понимаю, – согласился Боб, стараясь переварить все это.

– И еще одно. У вас в семье никогда не было агентов ФБР? Я имею в виду, помимо Рея, конечно.

– Что?

– Какие-либо агенты ФБР в фамильном древе? Понимаю, я сам должен был бы это знать, но у меня ничего нет.

– Ну Рей единственный… – Сын Боба Рей был заместителем начальника школы снайперов учебного центра ФБР в Куантико.

– Нет, нет, я имел в виду другое. В тридцатые годы.

Боб ничего не мог ему сказать. Но тут до него дошло, что его деду Чарльзу Фицджеральду Свэггеру, в последнее время занимавшему его мысли, шерифу округа Полк и победителю в знаменитой перестрелке в Блю-Ай в 1923 году, герою войны, человеку, окутанному тайной, в том году было… сколько? Сорок три. Самый подходящий возраст и самый подходящий профиль: просоленный, но еще гибкий стрелок, имеющий за спиной множество побед и не ведающий страха.

– Дело в том, что в сейфе также лежал значок специального агента ФБР.

– Ты шутишь, – сказал Боб.

– Ни капельки. И это еще не всё. На самом деле это значок Отдела расследований Министерства юстиции, как ФБР называлось всего один-единственный год.

– Вот как?

– И это тридцать четвертый год. Год всех великих перестрелок.

Глава 03

Блю-Ай, штат Арканзас
1934 год

Это был рядовой день шерифа округа Полк.

Чарльз убедился в том, что его служебный пистолет калибра.45 заряжен и поставлен на предохранитель, и убрал его в украшенную затейливой резьбой кобуру под мышкой, сделанную на заказ одним мастером из Сан-Антонио. Это было одно из немногих «украшений», которые позволял себе шериф, но тяжелый «Кольт» сидел в кобуре как влитой. Затем Чарльз надвинул на свои зоркие глаза фетровую шляпу и тронулся в путь. Проехав по длинной дорожке, ведущей от дома, повернул налево и направился в Блю-Ай, административный центр округа, со шпилями семи церквей, водонапорной башней и двумя трубами тепловой электростанции в двенадцати милях к западу от города.

У него было два дела: во-первых, заглянуть к своему помощнику в Ниггертаун, где ему нужен был только общий доклад о положении дел, поскольку Чарльз не собирался присматриваться слишком пристально к тому, как Джексон Джонсон, его помощник-негр, обеспечивает там закон и порядок. Джексон держал преступность на низком уровне и следил за тем, чтобы никто не смел непочтительно вести себя по отношению к белому человеку, и во всем остальном его не трогали.

Далее Чарльз проведал своих двух осведомителей среди «подрывных элементов». По большому счету, в Блю-Ай были две группы «подрывных элементов» – коммунисты и республиканцы, – и Чарльз быстро убедился в том, что ни одна группа не планирует в ближайшее время никаких революций. Затем он заглянул к Тому Боуду – сообщить, что банк жалуется судье на то, что Том не спешит расплачиваться по закладной, а у него нет никакого желания арестовывать имущество Тома, поскольку это никому не пойдет на пользу. Том ответил, что уволит одного работника, а оставшиеся будут работать за троих, чтобы расплатиться с долгами.

Около одиннадцати часов Чарльз заглянул в управление шерифа. Обыкновенно он заставал там свою секретаршу Милли и одного из трех помощников, того, который был в этот день дежурным; остальные двое патрулировали округ, медленно выписывая на машинах тщательно продуманные узоры, готовые ко всему, остающиеся на связи благодаря примитивной рации. Чарльз связался с обоими; все было в порядке, тишина и спокойствие, что означало отсутствие агитаторов из профсоюзов и то, что в пекарне не использовали слишком много сахара. Пройдя в свой кабинет, он сел за стол и прошелся по входящим документам, состоявшим из накопившихся за ночь штрафных квитанций и рапортов, не ожидая ничего найти – и ничего не найдя. Похоже, в округе Полк не было настоящей преступности, конечно, если не считать того, что один работяга отдубасит другого, или какой-нибудь пришлый рабочий с фермы разобьет бутылку о чей-то череп, или еще более редких домашних ссор среди первых людей города, как правило, связанных с выпивкой, за которой следовали неуместные обвинения, далее гневная пощечина или удар кулаком, после чего – слезы и обращение к шерифу. Такое случалось. Люди есть люди, и такое случалось, но на самом деле все это были пустяки. Работа просто катилась, хорошо смазанная, – сама собой, невидимая, но практически все в нее верили.

Однако сегодня произошло нечто неожиданное.

– Шериф, вам звонил какой-то капитан Хеймер из Техаса. Просил, чтобы вы ему перезвонили. Связаться с ним?

– Да, Милли, будь добра.

Милли потребовалось какое-то время, чтобы дозвониться от одного оператора к другому, поэтому, когда Блю-Ай и Даллас оказались на связи, Чарльз уже прошел к себе в кабинет и закрыл дверь.

– Хеймер слушает. Это ты, Чарльз?

– Он самый, капитан.

Во всем мире Фрэнк Хеймер был одним из немногих, с кем Чарльз чувствовал себя уютно.

– Как настроение? Читал все то, что досталось нам от писак за то, что мы раздавили этих двух недоносков?

– А то как же. Ты герой, Фрэнк, но ты ведь всегда был героем.

– Хватит издеваться над стариком, Чарльз. Как я говорил, славы предостаточно. Еще не поздно. Ты можешь, словно по волшебству, появиться в отчетах, точно так же, как, словно по волшебству, исчез.

– Даже не знаю, Фрэнк, как отнесется к этому чертов судья. В этом деле были свои прелести. Охота не в сезон – какая еще нужна награда?

– Ну тут я согласен. Очищает носовые пазухи лучше стаканчика хорошего виски. А теперь к делу. У меня есть кое-что для тебя, Чарльз; думаю, ты должен это услышать.

– Я весь обратился в слух.

– Похоже, федералы набирают метких стрелков. После той кукарачи в «Маленькой Богемии», когда все плохие ребята прошли сквозь их ряды, словно дерьмо сквозь гуся. А федералы лишь замочили нескольких невинных законопослушных граждан. Великий позор. Это все потому, что у них не было просоленных ветеранов, одни только желторотые сопляки прямиком из колледжа. Сплошные кретины и педики, ни одного настоящего мужчины, готового решить все с помощью оружия.

– Понимаю, – согласился Чарльз.

– Так вот, вчера ко мне заявился один тип, некий инспектор Коули из Чикаго. Мол, у капитана такая безупречно чистая репутация, не хочет ли он отправиться на север и стать специальным агентом так называемого Отдела расследований, нового ведомства, которое будет охотиться на всех знаменитых плохих ребят – в первую очередь на мистера Джонни Г. Диллинджера, но также и на других крупных фигур, таких, как тот, кого называют Малышом, тот, кого называют Красавчиком, а еще есть какой-то Уилбер, какой-то Гарри, какой-то Элвин и даже старуха по прозвищу Мамаша. Отделу требуются стрелки, Чарльз, люди, которые умеют стрелять и без страха стоять под пулями. И этот инспектор хотел, чтобы я его возглавил.

– По-моему, Фрэнк, это отличное предложение, – заметил Чарльз.

– Возможно, для кого-нибудь помоложе. Но, Чарльз, шесть недель погони за Бонни и Клайдом вымотали меня до предела. Я собираюсь спать, пить и ничего не делать по крайней мере до осени. В моем возрасте уже нельзя бегать, высунув язык, и спать в машине.

– Я сам чувствую, что уже не тот.

– Ты на десять лет меня моложе, Чарльз, и крепкий, словно стервятник, питающийся койотами.

– Не спорю, – согласился Чарльз, – силы у меня еще остались.

– Я дал этому Коули твое имя. Рассказал ему про войну, про двадцать третий год, про все последующие стычки, особо подчеркнув, что ты поставил свое мужество на службу закону не ради славы, а из чувства долга. Ему это понравилось. Очень понравилось.

– Спасибо за рекламу, Фрэнк.

– Так что он может появиться со дня на день. Чтобы предложить тебе примкнуть к федералам. По-моему, это отличный ход, Чарльз. Больше денег, порция славы, свобода от проклятого судьи. И еще: в Чикаго у твоего больного мальчишки будет больше шансов.

Все это звучало очень привлекательно, тут никаких сомнений. Именно ради этого Чарльз и появился на свет. И это заполнит его мысли, не даст им забредать в другие места, туда, где их не должно быть, но куда они, черт побери, все равно наведываются.

– Благодарю за наводку, Фрэнк. Я хорошенько обо всем подумаю, и если этот инспектор пожалует ко мне, буду готов его встретить.

Инспектор Коули пожаловал через два дня. Хорошо одетый, привлекательный, лет тридцати пяти, выглядящий гораздо старше и угрюмее своих лет; скорее дед, чем отец. Чарли сразу же подумал, что он мягковат для своей работы. Для того чтобы встречать вооруженных людей своим оружием, требуется определенная сталь. Строжайшая воинская дисциплина помогает людям заиметь ее где-то за год – Чарльз видел это на войне, – но для того, чтобы это стало делом всей жизни, необходима определенная черствость духа, безразличие к боли, причиненной другим, одержимость, однобокий взгляд на мир, мгновенные рефлексы, талант стрелять быстро и метко, не говоря уж о том, чтобы стрелять первым, и, наконец, мужество, которое будет вести вперед, несмотря на угрозу смерти. Всем этим обладал Фрэнк Хеймер, потому он и стал легендарным техасским рейнджером; и Чарльз знал, что это же есть и у него самого, вместе с холодным сердцем, отчего у него не было никаких проблем с тем, чтобы навести пистолет на родственное человеческое существо и нажать на спусковой крючок, после чего оно навечно затихнет. Поверьте, некоторые люди заслуживают того, чтобы их убили.

Но, определенно, всего этого не было у инспектора Коули; впрочем, тот и не притворялся, будто это у него есть. Вместо этого он вел себя как пастор. Его талант заключался в том, чтобы без лишнего шума руководить, организовывать и вдохновлять, но он никогда не будет кричать, рявкать, не станет насаждать чудовищную дисциплину, не будет убивать людей.

– Спасибо за то, что встретились со мной, шериф.

– Мы занимаемся одним и тем же делом, сэр. Я должен любезно вас встретить и внимательно выслушать, и все это вы получите от меня сполна.

– Просто замечательно! Кое-где федералов совсем не любят, и в своей поездке я уже изрядно столкнулся с подобной желчностью.

– Только не в округе Полк, сэр.

– Перехожу прямо к делу, шериф. Вы человек занятой и важный, так что незачем напрасно терять время. Вы слышали о той неудачной попытке ареста, случившейся в апреле в Висконсине? В «Маленькой Богемии»?

– Да, сэр, слышал. Не самый удачный день для полицейских нашей страны.

– Самый настоящий позор, это точно. Мы потеряли замечательного молодого агента, подстрелили двух случайных людей, одного насмерть, а наша добыча, так удачно собравшаяся в одном месте, чего не бывало никогда прежде, благополучно скрылась.

– Я видел сводки. Вам пришлось иметь дело с очень мерзкими ребятами. Все как один стрелки, а я успел узнать, что в нашем ремесле, когда дело доходит до оружия, многие становятся щепетильными.

– Наш директор поставил перед собой грандиозную цель, шериф Свэггер. Он задумал создать общенациональную полицейскую службу, некоррумпированную, не запятнанную честолюбием, тщеславием и политикой. Увы, как мы узнали на собственном опыте, это также означает не имеющую опыта, твердости, изобретательности и умения обращаться с оружием. Из юристов получаются плохие стрелки.

– Борьба с преступниками – это искусство, как и все остальное. Ему нужно учиться, только и всего.

– И вот наш директор – и я, разумеется, полностью с ним согласен – теперь видит необходимость в служителях закона такого типа, как вы. То есть в героях. Умеющих обращаться с оружием. Наши преступники слишком жестокие и слишком опытные, чтобы их могли арестовывать юристы. Нам нужны такие, как вы, как Фрэнк Хеймер, Д. А. Паркер, Билл Тилгмэн,

«Желе» Брайс[5], закаленные в боях, на войне или в схватках с преступниками. Вы понимаете, к чему я клоню?

– Думаю, да, сэр.

Но Чарльз увидел еще кое-что. Увидел, как его семья перебирается на север, как его больной мальчик попадает в лечебное заведение, где другие дети не будут над ним издеваться и бросать в него камни, где его жена не будет изношена до дыр мучительным испытанием ухаживать за таким ребенком, где сам он сможет смотреть на своего сына, которого суровый бог дал ему в качестве наказания, и не чувствовать наплыва ненависти к самому себе.

Увидел Чарльз и другое. Он чувствовал, что слабеет духом. Открывались новые возможности, каких не было никогда прежде. Чарльз испытывал желание, потребность, жажду, но не мог поддаваться. Расплатой за это станет вечное горение в аду. Следовательно, Чикаго открывал путь к спасению. Решал насущную проблему. Спасал Чарльза от его самого страшного врага – его самогó. Для него это было бегство.

Он сразу же решил, что принимает предложение.

– Также на меня произвела впечатление ваша скромность. Мне достоверно известно, что вы входили в состав отряда, положившего конец карьере двух знаменитых грабителей, однако предпочли незамеченным покинуть место действия. У вас нет жажды особого внимания, восхваления со стороны прессы, упрочения своей репутации. Большинство тех, кому приходится убивать людей, подобны звездам бейсбола и любят находиться в центре всего.

– Я не стремлюсь к славе, – заметил Чарльз.

– Это впечатляющее качество полностью соответствует чаяниям нашего директора, считающего, что вся честь должна доставаться организации, а не отдельным людям. Только так организация может крепнуть и процветать. И поверьте мне, шериф, по мере того как Америка крепнет и становится все более сложной, то же самое происходит и с ее преступниками, будь то гангстеры или красные, и чтобы не отставать от них, нам нужно самое передовое, самое совершенное правоохранительное ведомство во всем мире.

– Насчет прогресса я вам ничем помочь не могу, сэр. Я могу одерживать победы в бою и учить ваших ребят одерживать победы в бою – вот пределы моего таланта.

– Именно это нам и нужно в настоящий момент. Да, я приехал сюда, чтобы предложить вам работу. Вы будете назначены специальным агентом – это редкая привилегия, поскольку большинству требуется пройти полугодовую подготовку. Будете работать в Чикаго под моим началом и получать вдвое больше того, что получаете сейчас, – восемь тысяч долларов в год. Можно не говорить, что для ваших жены и сына жизнь изменится к лучшему.

– Думаю, сэр, я пока что оставлю их здесь. У моей жены здесь родители, мальчика устроили в школу, и я не хочу, чтобы они постоянно переживали за меня.

– Разумеется, вам виднее. Продолжаю: вы будете руководить огневой подготовкой, учить наших ребят стрелять и не терять голову, когда стреляют в них. Если народу будет не хватать, вам придется заниматься слежкой; это никому не нравится, но такова наша работа. Даже мне приходится этим заниматься. Возможно, вас попросят обеспечивать оцепление места преступления, чтобы наши криминалисты могли спокойно работать. Ведение допроса – особое искусство, и, возможно, у вас, как у опытного служителя закона, есть этот дар, но если нет – ничего страшного. Следователей, умеющих вести допрос, найти гораздо легче, чем метких стрелков. Вы знакомы с пистолетом-пулеметом «Томпсон», ружьем двенадцатого калибра, винтовкой «Браунинг», «Ремингтоном» восьмой модели и «Кольтом» сорок пятого калибра? Мне сказали, что вы прекрасно разбираетесь в оружии.

---

[5] Д. А. Паркер, У. М. Тилгмэн, Д. А. Брайс – известные американские служители закона конца XIX – начала XX века, меткие стрелки.

– Из всего этого я стрелял благодаря полиции нашего штата; из одних видов чаще, чем из других. «Томпсоны» очень пригодились бы нам во Франции, это я вам точно могу сказать.

– Должен признаться, для такого юриста, как я, он чересчур тяжеловат. Что-нибудь еще?

– Сэр, я хочу знать, можно ли будет устроить все по-тихому. Без огласки, без газет, как-нибудь так, чтобы мне не пришлось уходить со своей должности здесь. Не сомневаюсь, судья меня отпустит, быть может, даже благословит, поскольку он твердый демократ и верный последователь Рузвельта, но мои корни тут, и мне хотелось бы, чтобы здесь осталось то, к чему можно было бы вернуться.

– Замечательная мысль, – согласился инспектор Коули. – Хотелось бы, чтобы как можно больше наших людей были так преданы делу.

– В таком случае, сэр, полагаю, вы нашли того, кого искали.

– Я вам очень признателен. Я немедленно извещу директора.

– Если Джонни Диллинджер попадет в мой прицел, я его уложу – или погибну сам.

– Не сомневаюсь в этом. Но, по-моему, газеты чересчур раздули славу этого Диллинджера. Его дар общения с прессой многократно превышает его криминальные таланты, но, похоже, не он главный преступник, как нас в этом убедили. В любом случае, боюсь, не он враг общества номер один. Есть такой человек по имени Лестер. Я предлагаю вам очень опасное задание. Только у Чарльза Свэггера хватит духа сойтись лицом к лицу с Лестером Дж. Гиллисом.

– Лестер Гиллис? – сказал Чарльз. – Никогда о таком не слышал.

Глава 04

Литтл-Рок, штат Арканзас
Наши дни

Боб, в костюме, как того требовала официальная обстановка, сидел в юридической конторе «Смазерс, Винсент и Николс» в небоскребе в центре Литтл-Рока и разглядывал странную коллекцию, которую помощник Джейка Винсента осторожно извлек из помятого и перепачканного старого сейфа.

Пистолет по крайней мере оказался знакомым. Это был хорошо сохранившийся «Кольт», штатное оружие сотрудников правоохранительных органов первой половины двадцатого столетия, весь в масле от промасленной тряпки, служившей ему саваном на протяжении восьмидесятилетнего пребывания под землей. Помощник предусмотрительно обеспечил Боба резиновыми перчатками, чтобы тот мог спокойно брать пистолет.

Пальцы Свэггера сразу же узнали его. Конструкция была одним из шедевров, родившихся в голове Джона М. Браунинга перед Первой мировой войной, такая совершенная по замыслу и исполнению, такой мощный аккорд мощности, изящества и гениального действия, что даже сейчас, спустя больше чем столетие после того, как пистолет был принят в 1911 году на вооружение, он оставался штатным оружием многих элитных спецслужб мира. Никакая пластмасса, ничто сглаженное и спрямленное, никакие огромные магазины с маленькими патронами не могли заменить его в руках опытного стрелка.

Конкретно этот образец не имел следов ржавчины, что свидетельствовало о той заботе, с какой его уложили в герметичную жестяную коробку, которая, по зрелом размышлении, оказалась вовсе не жестяной, как все предположили, а сваренной из стали. Опять же, впечатляющая забота и знание дела.

Боб оттянул назад затвор, плавно и гладко, до упора, открывая отверстие для выброса стреляной гильзы, и заглянул внутрь. Несмотря на густую смазку, пистолет продемонстрировал совершенную гармонию ствола, ствольной коробки и отверстия для бойка в затворе, с двумя маленькими выступами, эжектором и выбрасывателем. Поразительно, что восьмидесятилетняя пружина по-прежнему оставалась упругой, запирая пистолет мощным усилием. Боб поднес его к глазам, восхищаясь работой старого завода «Кольт», еще в Хартфорде: четкие буквы – «КОЛЬТ ОГНСТР ОРУЖ/ХАРТФОРД КОННКТ США» и номер патента, а на другой стороне «АВТОМАТИЧЕСКИЙ КОЛЬТ/КАЛИБР.45», все как и полагается. Серийный номер 157345С означал, что пистолет вышел из сборочного цеха завода в Хартфорде в 1928 году; компания «Кольт» откликнулась сразу же, отыскав документы об отправке, согласно которым партию из пятнадцати пистолетов заказала Почтовая служба Соединенных Штатов. Судя по всему, почтальонам не понравился тяжелый, громоздкий пистолет и сильная отдача крупного калибра, и в 34-м году пистолеты были переданы ФБР, где большая кинетическая энергия жирной пули значила больше размеров и веса оружия. Такому опытному стрелку, как Чарльз Свэггер, имеющему на счету не одного убитого противника, 45-й калибр был гораздо предпочтительнее крошечного 38-го, какой носили многие агенты, хотя некоторые из них, возможно, перешли на более мощный 44-й калибр. Пистолеты под патрон.357 «магнум», ставшие символом Бюро, появились только в 35-м году.

Боб поднес пистолет к глазам. Стыки металла с металлом были безукоризненными, все детали соединялись за счет точной обработки, никаких винтов и шплинтов. На самом деле весь механизм объединялся в целое одним-единственным штифтом, проходящим от рычажка освобождения затвора через все тело пистолета, после извлечения которого – это делалось одним прикосновением – пистолет оказывался разобранным. Насечки на курке представляли собой созвездие идеально ровных рисок, ребра на затворе были абсолютно параллельными. Тогда

знали, как делать оружие: все зависело от мастерства слесаря, а не от какого-то компьютерного алгоритма. Боб поднял рычажок освобождения затвора, и тяжелая деталь плавно устремилась вперед, снова обволакивая ствол. Взяв пистолет в руку, он всмотрелся в крошечную прорезь прицела: для того чтобы получить от этого оружия максимум, требовалось обладать определенным талантом.

Кобуры не было, поскольку тот, кто припрятал пистолет, прекрасно понимал, что кожа, будучи веществом органическим, со временем разложится, даже в отсутствие влаги.

Положив пистолет на стол, Боб перешел к следующей реликвии мира огнестрельного оружия 1934 года. Извлеченная из промасленной тряпки, она оказалась своеобразным цилиндром, выточенным на токарном станке умелым мастером. Отличная работа, тяжелая скульптура, вырезанная из цельного куска прочной стали. Штуковина отдаленно напоминала японскую гранату, только полую. С обеих сторон в ней были просверлены вдоль отверстия диаметром примерно три десятых дюйма. С одного конца отверстие сжималось в конус, вероятно, служивший дулом; с другой стороны изнутри были умело нанесены четкие витки резьбы, чтобы штуковину можно было надежно навернуть на ствол того оружия, которому она должна была помогать. Цилиндр был рассечен двенадцатью разрезами, строго параллельными друг другу; все углы идеально спрямлены до девяноста градусов.

– Доводилось видеть что-либо подобное?

– Не совсем. Похоже на принадлежность к автоматическому оружию, дульный тормоз или что-то в таком духе. Разрезы выпускают раскаленные пороховые газы вверх, и их реактивный импульс опускает дуло вниз. Такие есть у большинства автоматов. Но эта на удивление большая. Быть может, от японского или французского автомата, бельгийского или чешского; думаю, Чарльз принес его домой с войны.

– Что эта штуковина здесь делает?

– Будь я проклят, если знаю, – пробормотал Боб.

Отложив цилиндр, он изучил купюру. На ней был портрет импозантного Гровера Кливленда, и зеленый оборот был чуть светлее привычного. Все ноли после единицы выглядели какими-то фальшивыми, особенно по углам, где им приходилось искривляться, чтобы поместиться на купюре. Кто-то предусмотрительно поместил купюру в запечатанный пакетик, чтобы ее не испачкала грязь двадцать первого столетия. Кассир отдал купюру грабителю, державшему его под прицелом. Иного и быть не могло, ведь так? Затем ее куда-то отложили, скорее всего, на случай бегства, если кому-то придется шевелиться быстро и у него не будет времени собраться. А может быть, это была награбленная добыча, отобранная Чарльзом у крупного игрока из Хот-Спрингс, которого он хорошенько тряхнул или обнаружил мертвым, или какие-то другие неучтенные деньги, которых, как рассудил Чарльз, никто не хватится… Он отложил их на черный день, уверенный в том, что никто даже не станет их искать. Но необычайно крупный номинал позволил бы легко обнаружить происхождение купюры, отследить ее, посему ценность ее была значительно меньше своей нарицательной стоимости, поскольку она должна была пройти через руки нескольких посредников, чтобы вернуться лишь одной третью в виде мелких безликих купюр. Маловероятно, чтобы Чарльз этого не понимал. Также маловероятно, чтобы у него были необходимые связи провернуть подобное и время дождаться результата. И, наконец, маловероятно, чтобы игра стоила свеч, даже в ценах 1934 года: всего одна треть «куска».

Так что, скорее всего, это была заначка на случай бегства. Плохому человеку, пустившемуся в бега, понадобятся деньги для путешествий. Ребята, с которыми ему предстоит иметь дело, бесконечно далекие от правоохранительных органов, будут без вопросов забирать деньги маленькими частями, и пройдет несколько месяцев, прежде чем Федеральное казначейство обратит на это внимание и предпримет какие-либо шаги.

– Тысяча? – спросил Боб у сидящего напротив Джейка. – Сколько это в нынешних ценах?

– В тридцать четвертом году на тысячу можно было купить примерно столько же, сколько сейчас на триста долларов.

– Да, не разбогатеешь, – заметил Боб.

– Не торопись. Тут дело не в нарицательной стоимости, а в редкости купюры. Так что она может стоить гораздо больше тысячи. Нумизмат сказал, что серия АС-1934-А, отпечатанная в Сан-Франциско, очень редкая. К тому же практически не бывшая в обращении. Состояние ее близкое к идеальному. Так что сейчас она может стоить от шести до семи тысяч.

– Но это сейчас. В тридцать четвертом году эта тысяча стоила ровно один «кусок». А после «отмывания» ее стоимость уменьшилась бы до трех сотен.

– Совершенно верно.

– Так что ради этих денег вряд ли кто-нибудь пошел бы на убийство; это не тот куш, который становится легендой и обеспечивает роскошную жизнь тому, кто его найдет.

Отложив купюру, Боб взял карту – если ее можно было так назвать. Определенно, слово «карта» было чересчур громким. На плане схематически была изображена стена здания неправильной формы, с выступами, обозначающими окна, и диагональю с десятью рисками, ведущая в северо-восточный угол, если север на карте находился вверху, однако ориентация по сторонам горизонта отсутствовала. На расстоянии десяти шагов, той же самой твердой рукой с чернильной ручкой, – кружок, обозначающий, несомненно, ствол дерева, а с противоположной стороны дерева, считая от стены здания, если это действительно было здание, – крестик, отмечающий то самое место.

– Все это имело бы какой-то смысл, если б речь шла о сороковом годе, том самом, когда было совершено знаменитое ограбление поезда в Хот-Спрингс, к которому, по слухам, был причастен Чарльз. Однако до того нападения еще целых шесть лет, а в тридцать четвертом году в тех краях ничего не происходило. Так что дело с поездом можно отбросить.

– Согласен, – сказал Джейк.

– С какой стати Чарльзу прятать карту под домом? – спросил Боб. – Карту, на которой указано, где спрятан клад? Странно. Почему бы просто не зарыть клад под домом?

– Возможно, «клад» был слишком большой. Возможно, это была какая-то контрабанда, и если б Чарльза схватили с поличным, это грозило бы ему тюрьмой. Поэтому он спрятал его подальше от своего дома. Сам он ничего не говорил?

– Дед умер за четыре года до моего рождения. Я о нем ничего не знаю.

– А твой отец ничего не рассказывал?

– Ни слова. Но моя бабка рассказала моей матери, а та рассказала мне, что Чарльз был дружен с бутылкой. Его радостью в жизни был бурбон, много бурбона, а в конце уже очень много. Он обратился за помощью в баптистский центр, но бурбон оказался сильнее Господа, потому что Чарльз пил до самой своей смерти.

* * *

Главная загадка заключалась в том, что такого произошло в 1934 году, после чего Чарльзу пришлось прятать пистолет, а также деньги и какой-то клад, зарытый неизвестно где? И, быть может, именно после этого он нетвердой походкой проследовал по Бурбон-авеню к такому глубокому разложению, что не смогли помочь даже баптисты.

И все это крутилось вокруг последнего предмета из тайника. Значок. И отец, и дед Боба носили значки, служа закону; следовательно, влечение к этому тотему государственной власти сильно в крови у Свэггеров. И вот теперь сын Боба носит значок. Однако сам он был посторонним своему собственному ДНК – в том смысле, что его это ремесло никогда не привлекало. У него не было позывов работать в полиции. С Боба хватило морской пехоты, сверху донизу пронизанной дисциплиной, до самой смерти, и когда это осталось позади, он решил обойтись

без определенных жестких требований, которые наложила бы служба в полиции. И, подобно своему деду, которого погубила выпивка, сам Боб обладал той же слабостью. Так что после того, как его списали по инвалидности из морской пехоты, он был слишком пьян, чтобы пойти в полицию штата; к тому же он никогда не испытывал того зова, которому подчинились его отец и дед и, как знать, сколько еще поколений Свэггеров до них. Бутылка интересовала Боба гораздо больше, чем значок, и хотя он уже много лет не прикладывался к ней, так оно оставалось и по сей день.

Взяв значок, Боб ничего не почувствовал, не ощутил исходящей от него энергии. Это был ничего не значащий кусок – чего? – какого-то сплава бронзы, железа, быть может, стали, отштампованный в символ не просто правосудия, но также и власти, и ее проводника, силы. Носил ли этот значок его дед? Боб внимательно рассмотрел значок, но, поскольку не обладал познаниями в этой области, увидел лишь случайный набор символов силы, по сути дела, изобретенный еще в Римской империи: то есть завитки, выпуклые буквы – они назывались «рельефными», – на маленьком щите, намекающем на силу и честность легионера, хотя в его форму вкралось влияние рыцарей Круглого стола, поскольку он был более изящным по сравнению с минималистским прямоугольником легионеров. И значок оказался тяжелым, как пистолет, значительно тяжелее и солиднее, чем выглядел с виду. В приглушенном неконтрастном свете люминесцентных ламп, когда им покачивали из стороны в сторону, он отражал отблески лучей, то попадавших на выпуклости и углубления его неровной поверхности, то проходивших мимо.

Надписи «ФБР» на значке не было. Вместо этого сверху по дуге было написано «МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ», а внизу, под профилем греческой богини правосудия с завязанными глазами, по прямой, – «ОТДЕЛ РАССЛЕДОВАНИЙ».

– Официально ФБР появилось только в тысяча девятьсот тридцать пятом году, – объяснил Джейк. – Я в этом знаток, посмотрел в «Википедии».

– Мне тоже следовало бы туда заглянуть, – пробормотал Боб, все еще в восторге от присутствия значка.

– Отделом ведомство просуществовало всего один год. Его так и называли: «Отдел». Что-то в духе «1984» Оруэлла. Газеты называли его Министерством юстиции или просто «юстицией». Им нравился каламбур: «Юстиция завалила Диллинджера».

– Понятно, – сказал Свэггер.

– Итак, Боб, как ты хочешь поступить со всем этим? Забрать? Оставить? Доложить властям?

– Ну, полагаю, деньги нужно вернуть в казначейство. Они принадлежат какому-то банку, а не мне, так что давай побыстрее покончим с этим. Ты можешь взять все на себя?

– Без проблем.

– Далее, я хочу отксерить карту, на всякий случай, мало ли что… в общем, я сам не знаю. Быть может, мне что-нибудь придет в голову.

– Разумно.

– Что касается пистолета, думаю, я его заберу – по крайней мере, на какое-то время. Хочу пострелять из него, посмотреть, что он мне даст. Если это пистолет Чарльза, наверное, он мне что-нибудь скажет. Быть может, нам удастся связаться друг с другом посредством его, поскольку оба мы так любили оружие.

– Я не вижу тут никаких проблем. Просто не продавай пистолет. Ты можешь сохранить его или уничтожить, но если ты его уничтожишь, возможно, это выльется в уничтожение государственной собственности. Я посмотрю, что говорит по этому поводу закон.

– Понял, – сказал Боб.

– Мы найдем какой-нибудь портфель и уложим все в него.

– Замечательно.

– Ну а «цилиндр»?

– Пока что оставь его у себя. Я пороюсь в своих книгах; может быть, что-нибудь разыщу.

– А значок?

– Ты можешь и его оставить у себя? Я пойму, что с ним делать, только после того, как узнаю, кем и чем был мой дед. Так что пусть значок побудет у тебя. А я тем временем загляну в жизнь Чарльза. У меня есть один очень хороший друг, Ник, недавно вышедший в отставку из Бюро; быть может, он поможет мне покопаться в старых архивах. Я хочу выяснить, состоял ли какой-нибудь Чарльз Фицджеральд Свэггер в тридцать четвертом году в штате, хотя бы всего несколько месяцев. Возможно, пистолет имеет какую-то историческую ценность и его следует вернуть в Бюро, хотя музея там нет. Возможно, карьера моего деда завершилась досрочно с позором: скажем, как-то раз он напился и вломился с оружием в публичный дом, или что-нибудь в подобном роде…

– Ты точно хочешь копаться в семейных тайнах? Есть вещи, которые лучше не трогать. Я мог бы поведать тебе пару вещей о Сэме Винсенте, которые тебя удивили бы, – и даже сейчас, смирившись со всем, сожалею о том, что узнал их.

– Те же самые мысли приходят и мне, и мне *действительно* страшно. Но я уже на крючке. Чарльз сотворил Эрла, Эрл сотворил Боба. Чтобы понять Эрла, мне нужно вернуться назад по этой цепочке. Я должен ответить на вопрос, который не хотел услышать мой дед: кем был Чарльз Ф. Свэггер?

Глава 05

Пансион «Маленькая Богемия»
Манитош-Уотерс, штат Висконсин
22 апреля 1934 года

Лес бежал напролом через заросли. Он был не из тех, кто паникует без повода, но, услышав что-то похожее на выстрелы, выглянул из домика. Внезапно опушка изрыгнула автоматный огонь, и хотя Лес не находился непосредственно на линии огня, по количеству оружия он понял, что федералы нагрянули в полную силу.

Первой его мыслью было: «Где Хелен?» А накал стрельбы все возрастал и возрастал, словно в атаку пошел целый батальон. Затем до Леса дошло, что Хелен в главном здании вместе с Томми, Гомером, Джонни и остальными ребятами, и ему не остается ничего другого, кроме как бежать, спасая свою жизнь, и молиться о том, чтобы та же участь ждала и Хелен.

Пистолет калибра.45 был засунут в кобуру под мышкой, как всегда; Лес жил с этим пистолетом, полностью ему доверял и держал его под рукой как раз на такой случай. Но, судя по доносящимся с улицы звукам, сейчас ему требовалось что-то более серьезное. Он открыл шкаф. Там стоял пистолет-пулемет «Томпсон», прислоненный к стенке, небрежно, словно клюшка для гольфа, с круглым и неуклюжим барабаном на пятьдесят патронов, делавшим его тяжелым и неповоротливым. Страсть к огнестрельному оружию придала Лесу энергию, а перспектива использовать его по человеческим целям всегда доставляла ему радость – разумеется, если он не кипел от ярости, что было для него вторым обычным состоянием. Лес обладал противоречивым характером, и никто не мог его понять: красавец-щеголь, трудолюбивый, способный, семьянин, гордый отец Рональда и Дарлены, верный муж одной-единственной жены (он никогда не гулял на стороне и никогда не разлучался с Хелен надолго), и, увидев его, можно было подумать, что он – надежный винтик этой жизни, прилежный прихожанин. Но в то же время Лес любил стрелять и бросаться в приключения, обладал ненормальным отсутствием страха, а если ему приходилось кого-нибудь убить, мысль эта недолго оставалась у него в сознании.

Схватив «Томпсон», Лес ощутил его вес, что никак нельзя было считать выводящим из себя недостатком, поскольку тяжелое оружие было проще удерживать, ведя огонь на ходу. Лес называл его «машиной», и «Томпсон» являлся одной из причин, почему он занялся этим ремеслом, ибо восторг, который доставлял ему пистолет-пулемет, праведно обрушившийся на тех, кто замыслил Лесу зло, граничил с экстазом. И вот сейчас как раз настал такой момент, и Лес предвкушал его, как наркоман предвкушает кайф от принятой дозы. «Машина» несла в себе все ответы, была божеством, платившим своему верному последователю победой над врагами. Она прогоняла прочь все страхи и сомнения. Лес был счастлив, счастлив, счастлив.

Выйдя на крыльцо домика, он оказался в стороне от опушки, откуда спрятавшиеся стрелки продолжали палить по большому бревенчатому строению ярдах в пятидесяти прямо перед ними, которое уже окуталось дымом и пылью от попадания пуль, впивающихся в дерево или штукатурку.

Лес был не глуп, и он обладал долей эстетизма. Вот и сейчас впитал открывшееся его взору драматичное зрелище и понял, что его место здесь, среди пороховых газов и треска выстрелов, озаренных пляшущим пламенем дульных вспышек, все это багровое и отчетливое в холоде вечера ранней весной в северных широтах. Ничего лучше нельзя было представить.

Лес легко направил «Томпсон» в нужную сторону, и его палец устремился к спусковому крючку, в сознании того, что на случай незваных гостей затвор был взведен, а флажок предохранителя опущен, потому что, если оружие понадобится, с высокой вероятностью оно понадобится сию секунду. Тяжелый пистолет-пулемет слился воедино с телом, настолько велико-

лепно он был сделан. Лес припал на одно колено, вскинул «Томпсон», улыбнулся и нажал на спусковой крючок.

«Машина» заговорила. Она выпустила по опушке длинную очередь пуль калибра.45, и хотя Лес не увидел их полет, он увидел, как под мощным натиском волшебной «машины» поднялись облачка пыли, задрожали ветки, распались на части листья, затряслись стволы. Драматический эффект полностью автоматического огня таил в себе и другие прелести: фонтан стреляных гильз, подобных лопающимся зернам кукурузы на раскаленной сковороде, могучая вибрация, молниеносное мелькание затвора, мечущегося взад и вперед от энергии выстрелянных патронов, вырывающееся пламя, чуть ли не вертикально вверх, поскольку конфигурация дула за счет силы пороховых газов удерживала ствол, не давая ему задираться, блеск ребер жесткости на ствольном кожухе, прочность обеих рукояток в сильных, крепких руках Леса. Столько радости, столько наслаждения! Анархистское сердце Леса наполнилось счастьем. Есть люди, рожденные разрушать, и ничто другое не доставляет им удовлетворения. Они жаждут разорвать на части все, что встречается им на пути, от архитектурных сооружений и банковских сейфов до закона и порядка самого общества – просто ради того, чтобы насладиться, как у них на глазах все это будет корчиться, разваливаться и умирать.

«Томпсон» умолк. За считаные секунды Лес полностью опустошил магазин, отправив в ночь пятьдесят полудюймовых посланцев смерти, и не повезло тому, кого они нашли. Однако это породило следующую проблему: а где другой магазин? И второе: как быстро он сможет его вставить? Ибо диск, снаряженный патронами, оказался настолько тяжелым, что конструкторам пришлось отказаться от простой защелки и вставлять его в щель в ствольной коробке, а попасть «губами» диска в узкий вырез было весьма непросто. Но, едва идентифицировав проблему, Лес уже решил ее. У него есть другое оружие, такое уникальное, что, кажется, оно было специально создано как раз для такой ситуации.

Посему, пока стрелки-федералы откатились назад, стараясь оценить этот новый поток ответного огня, Лес вернулся обратно в домик и взял нечто еще не виданное в этом мире. Это сделал для него – у Леса таких было несколько, и он даже преподнес один в подарок Джонни; так преданный сторонник вручает кардиналу какую-то мелочь на память – талантливый оружейник из Сан-Антонио. Полностью автоматический пистолет, стандартный «Кольт» калибра.45, штатное оружие сотрудников правоохранительных ведомств, но с небольшими доработками по части внутренностей, благодаря которым одно нажатие на спусковой крючок выпускало все патроны трехсекундной очередью. Поскольку пистолет стрелял столь быстро, ему требовалось много боеприпасов, поэтому мистер Лебман, оружейник из Сан-Антонио, тщательно сварил вместе несколько магазинов, так что они вмещали восемнадцать патронов АКП калибра.45 размером с яйцо малиновки каждый. Чем дольше спусковой крючок удерживался в нажатом положении, тем сильнее нарастала отдача, и пули с десятой по восемнадцатую должны были впустую уходить в небо, – однако Лебман продумал и это. Он оснастил пистолет и дульным компенсатором Каттса, и дополнительной горизонтальной рукояткой от «Томпсона» спереди: компенсатор боролся с задиранием дула вверх, передняя рукоятка предлагала второй руке резной кусок дерева с углублениями для пальцев, чтобы противостоять тому же самому уходу дула. Следовательно, можно было досуха разрядить обойму с приличной вероятностью оставаться на цели на протяжении передачи всех восемнадцати пуль, поскольку никакая сила на земле и в механике не сможет сдержать жажду стрелка к трате боеприпасов, после того как он нажмет на спусковой крючок.

Так что Лес был идеально подготовлен к тому, что ждало его впереди. Ничто не доставит такого удовлетворения, как идеальное оружие для не выполнимой без него работы.

Выскочив на крыльцо, он повернул влево и быстро пересек его. К нему устремились пули, чудодейственным образом уклоняясь от встречи с его телом – по крайней мере, он в это верил, – благодаря харизме его дерзкой храбрости и масштабам личности; и действительно,

некоторые ударили совсем близко, выбивая щепки и превращая дерево в пыль, но в Леса ничего не попало, и через мгновение он уже сбежал с крыльца и устремился назад, где его вскоре поглотили заросли.

Лес был храбрым, но ему еще и везло. У него не было карты, он совершенно не представлял себе окружающую местность – ни разу в жизни не появлялся в этой части Висконсина до вчерашнего дня, когда приехал сюда вместе с Хелен и Томми Кэрролом, – и вот сейчас его хлестали отростки вечнозеленых растений и еще не оперившиеся листвой ветки кленов и вязов, но не могли замедлить его бег. Лес сразу же заблудился, поскольку ориентирование в лесу до сих пор не входило в число его умений, да и заросли в любом случае были слишком густыми, чтобы различить на небе звезды, указывающие путь. Он просто бежал. Он был молод, всего двадцать шесть лет, полон восторженного возбуждения и так упивался своей дурной славой и еще одним бегством прямо из-под носа, что ни одна ветка не смела всерьез ему помешать, и сама роща не вступала в заговор против него, уводя его закрученными тропами, возвращающимися на одно и то же место, чтобы он бежал сломя голову, не продвигаясь никуда ни на шаг.

Лес бежал, бежал, бежал. Стрельба у него за спиной прекратилась, и он то и дело озирался в поисках целей. Но не было и намека на преследователей, и когда Лесу удалось чуть успокоить чересчур обильное поглощение кислорода, он не услышал ни хруста ветвей, ни топота ног по земле, указывающих на погоню.

Вскоре чаща предложила ему тропинку, покрытую ковром сосновой хвои, а поскольку зрение Леса успело приспособиться к недостаточному освещению, он чувствовал себя так же уверенно, как в переулках Чикаго, в которых вырос. Успокоившись, замедлил свой бег, перейдя на легкую трусцу вместо дерганого ритма обезумевшего бегства. «Сорок пятый» надежно сидел в кобуре под мышкой, как и должно было быть, и хотя автоматический пистолет в руках становился все тяжелее (никакая кобура не смогла бы вместить такое большое и громоздкое оружие), Лес крепко держал его, направляя его то влево, то вправо, то вверх, то вниз, меняя точку равновесия и расслабляя мышцы. Это чудо-оружие было так ему нужно, что нечего было даже и думать о том, чтобы от него избавиться. Если б Лес упал в озеро, он утонул бы, не расставшись с ним, – вот какое значение оно для него имело.

Лес бежал, вслушиваясь в ночную тишину; зоркие глаза ощупывали все впереди в поисках засады. Но манией преследования он не страдал, поэтому пустые страхи его не донимали. Он не видел за каждым деревом призраков из Отдела расследований, а естественные звуки леса – уханье сов, шорох крошечных зверьков, стук веток, ударяющихся друг о друга под напором ветра, шелест листьев под воздействием той же самой силы – не разрастались в его воображении. Вообще оно было ограничено оружием, машинами, детьми и женой. Весь его мир был диким, без четкого плана, узким, лишенным широты, хищным, безжалостным, миром крепких ребят, которые ничего не боятся (хотя в настоящий момент это было не так), временами захлестнутым безумной яростью. Лесу было отчаянно необходимо научиться сдерживать гнев, но пока что еще не существовало таких технологий, не было антидепрессантов и других препаратов, которые могли бы возвращать его в нормальные пределы. Однако Лес уже так долго страдал безумием и получал от этого такое наслаждение, что обратной дороги не было.

Сколько времени? Час, не больше двух. Но в какой-то момент то обстоятельство, что сам Господь Бог тоже сумасшедший, вознаградило Леса, и он не свалился в озеро или в ров, тем самым избавив мир от дальнейших страданий, а вместо этого вышел на дорогу, и вот уже на ней появился неторопливый «Форд-А». Господь снова позаботился о Лесе.

– Черт побери! – заорал Лес, направляя автоматический пистолет на двух пассажиров машины. – Заберите меня отсюда, черт побери!

Он завалился на заднее сиденье.

Ничего не произошло. Оба пассажира оцепенели от страха. В конце концов, представьте себе это видение: франтоватый, довольно красивый молодой мужчина, в дорогом костюме, с

копной густых волос, порослью усиков а-ля кинозвезда на квадратном плоском лице, однако потрясающий оружием, ничего подобного которому они не видели, хотя и узнали его смертоносную сущность, в первую очередь, по зияющему дулу 45-го калибра, и вел себя этот тип как самый настоящий сумасшедший, краснолицый, покрытый каплями пота, разлетающимися в разные стороны, когда он надвинулся на них, словно дервиш, выпучив глаза подобно бешеной собаке. Он был похож на накачавшегося текилой Микки Макгуайра[6] с огромным пистолетом в руке.

– Заводите свою долбаную колымагу! – приказал неизвестный, и водитель неохотно, трясущимися пальцами, скованными движениями включил передачу и тронулся.

Однако приключения на этом не кончились, далеко не кончились. Лучи света заполнили сводчатый коридор деревьев, склонившихся над дорогой, и машина покатила вперед, набирая скорость. Лес уже успел мельком увидеть свое идеальное спасение, которое он по праву заслужил. Но тут свет погас.

– Какого черта! – вскрикнул Лес.

– Сэр, я ничего не делал, клянусь богом… о господи… не знаю… Клянусь, сэр, это старая развалина, проводка никуда не годится. Я могу заглянуть под капот, может быть, фары снова зажгутся…

– Господи Иисусе! – рявкнул Лес.

Однако он не мог себе представить, чтобы эти два кретина на ходу придумали, как его обмануть, и понимал, что если сейчас убьет их, с проклятым пистолетом на сегодня будет покончено, поскольку другой большой обоймы у него не было.

– Черт побери, трогайся, поезжай медленно и постарайся ни во что не врезаться, дедуля, иначе я позавтракаю твоей задницей.

Машина медленно поползла вперед, чуть ли не нащупывая дорогу между деревьями, то и дело останавливаясь, когда чей-либо бдительный взор замечал какие-то преграды. Да, с такой скоростью он выберется из Висконсина в лучшем случае к Рождеству!

– Нет, так ничего не получится, черт побери! – крикнул Лес.

– Сэр, извините, я просто…

– Ну ладно, ладно. Заткнись. Видишь, слева, кажется, это ведь дом?

– Это дом Кернеров, – сказал спутник водителя и добавил: – Там живут Кернеры.

– Сворачивай, – приказал Лес.

Болван съехал с дороги и направился к ярко освещенному дому, стоящему в стороне в окружении деревьев. Лес соображал, что делать дальше. Лучший вариант: вломиться в дом, узнать, есть ли здесь машина, после чего дать деру, предположительно с работающими фарами, и петлять в ночи до тех пор, пока он не пересечет административную границу с Иллинойсом, Айовой или Мичиганом, ему было все равно, какую именно. Это была лучшая мысль, и Лес, глубоко вздохнув, постарался успокоиться, чтобы выдать четкие распоряжения, но тут, как в театре абсурда, сзади подкатила другая машина, остановилась рядом, и из нее вышли трое.

Боже милосердный, это что, бегство или комедия «Кистоун»?[7] Люди постоянно появляются там, где их не должно быть, а у него на шее и так уже двое заложников… Что ему делать с этими заложниками? Организовать оркестр?

Выскочив из машины, Лес направил автоматический пистолет на троицу, даже в темноте интуитивно определив, что у этих людей нет повадок полицейских – он изучал их всю свою жизнь и знал, что они представляют собой смесь в равных частях физических габаритов, солидности и серьезности, – и заорал:

---

[6] Микки Макгуайр – заглавный персонаж короткометражного комедийного сериала, задиристый подросток.

[7] «Кистоун» – киностудия, снимавшая немые короткометражные комедии с нагромождением комических ситуаций, драк, погонь, невероятных трюков; неизменными героями были растяпы-полицейские.

– Лапы вверх, недоноски, иначе я разнесу вас к чертовой матери!

Обернувшись, все трое вскинули руки, однако Лес сразу же почувствовал, что этим ушлепкам, кто бы они ни были, уже известно про происшествие в «Маленькой Богемии» и про то, что предстоящая ночь будет полна привидений, гангстеров, федералов и автоматического огня. Они со страхом посмотрели на Леса, ожидая проблемы, не предлагая сопротивления, словно рассчитывая своей покорностью успокоить его безумие.

– Эй вы, двое, идите, черт побери, заходите в дом! – имея в виду тех двоих, которых он сцапал первыми, и все пятеро сгрудились в беспорядочную кучку гражданских лиц, с поднятыми руками, послушных одному-единственному бандиту, замыкавшему шествие с ужасным пистолетом в руках.

Пестрое сборище направилось домой к Кернерам, и хозяева также были ошеломлены размерами толпы, ввалившейся к ним в гостиную. В первую очередь на них произвел впечатление крайне возбужденный молодой тип, который был за главного, выкрикивал распоряжения, плясал туда и сюда, потел, словно боксер, лихорадочно мечась взглядом по сторонам, впитывая всю информацию.

– Так, отлично, всем на пол, черт побери, если не хотите кровавой бойни. Если мне придется стрелять, вы прославитесь, но умрете, так что у вас не будет времени этим насладиться.

Группа неуклюже опустилась на колени перед уютно составленными диваном и креслом, рядом с телефонным коммутатором, а именно так Кернер зарабатывал на жизнь.

– Чудесно, – продолжал Лес. – Прошу прощения за крик, я не собираюсь делать больно мирным людям. Но мне нужно убраться отсюда, и я хочу, чтобы все вели себя тихо и смирно. Держите рты закрытыми, и, может быть, вы останетесь живы и расскажете обо всем своим внукам. Ты и ты, – он указал на двух мужчин у двери, принадлежавших к той троице, которую он только что захватил, – сейчас мы выходим, садимся в вашу машину и уезжаем, понятно? Играете честно – и все будет хорошо, если не считать небольшой дополнительной поездки. Остальные остаются здесь, ведут себя тихо, смирно, сохраняют спокойствие. У меня даже нет времени на то, чтобы вас ограбить.

Лес вытолкнул двух заложников из дома, на крыльцо, и повел их к последней машине на теперь уже полностью заставленной дорожке.

– Так, садитесь вперед и… Какого черта?..

Поразительно, но на заднем сиденье уже кто-то сидел. Еще один музыкант из оркестра! И что дальше? Лес лихорадочно соображал.

– Ты, вон из машины. Господи Иисусе, ребята, откуда вы все появляетесь?

Последний, который, судя по всему, спал, очнулся и вывалился из машины, совершенно сбитый с толку, но благоразумно поднимая руки вверх.

– Так, ты ложишься и спишь дальше, и не подсматривай. Остальные садятся в машину, мы заводим двигатель и убираемся отсюда ко всем чертям…

И как раз тут из ниоткуда появилась еще одна машина, внутри три человека, и свернула с дороги прямо к дому.

«Что дальше? – в отчаянии подумал Лес. – Автобус? Или, еще лучше, здесь приземлится самолет, или по реке приплывет корабль?»

Направив дуло на трех новых гостей, балансируя на грани ярости, Лес снова крикнул:

– Вылезайте, вылезайте, черт побери!

И, распахнув заднюю дверь, уставился в зев пистолета-пулемета «Томпсон».

Он труп.

«Я труп», – подумал Лес.

Однако он не превратился в труп, ибо хотя на лице федерала отразились усилие и отчаяние, вспышки, возвещающей о высвобождении потока пуль, который на таком близком расстоянии разрезал бы Леса пополам, так и не последовало.

Лес не успел опомниться, но быстрее прыжка крысы указательный палец правой руки спас ему жизнь, резко надавив на спусковой крючок автоматического пистолета работы мистера Лебмана, опустошая его за три секунды, выбрасывая фонтан стреляных гильз, и оружие одним глотком сожрало весь магазин, на что и было рассчитано.

Лесу показалось, что он ухватил за хвост ракету: свист, гарь и дрожь, лягающаяся отдача и дерганье, однако поскольку обе руки крепко сжимали рукоятки, пистолет не увело в сторону, и его груз обрушился на автомобиль, истребляя его и его пассажиров, задернув стекла паутиной, выдрав облачка конского волоса из обивки сидений, рассыпав в общем направлении с юга на север пробоины по голому металлу, образующему кузов машины.

Федерал так и не нажал на спусковой крючок – просто отлетел назад, выронив оружие и вскидывая руки к горлу. Внезапно из него вырвались пульсирующие струи крови, забирающие его жизнь, «Томпсон» свалился у него с коленей и упал на землю. Остальные двое также куда-то делись, задетые пулями или нет, и Лес даже не увидел, как они бежали, – настолько был поглощен драматизмом смерти.

Вернувшись в реальность, он обнаружил, что стоит перед машиной один, в облаке порохового дыма, среди груды стреляных гильз. Все остальные человеческие существа бесследно исчезли с лица земли, так как и заложники, и федералы разбежались, словно зайцы, ища спасения в темноте.

Запрыгнув в машину, он бросил пистолет на сиденье сзади. Водитель даже не заглушил двигатель, поэтому Лес просто включил передачу, выехал на дорогу и помчался прочь.

«Ха! – подумал он. – У меня получилось!»

Но получилось ли?

Через несколько миль лесной дороги, прекрасно освещенной светом фар, Лес выехал на шоссе, и в четверти мили впереди на той же самой полоске асфальта показалась еще одна пара фар – седан, несущийся быстро, так быстро, как могли ехать только служители закона.

«Твою мать!» – подумал Лес.

А затем подумал: «Ни хрена!»

И еще он подумал: «Ребята, вы хотите играть круто? Что ж, посмотрим, насколько вы круты!»

Надавив на педаль газа, Лес почувствовал, как агрессивно встрепенулся двигатель, теперь пожирая бензин во всю глотку, а вокруг него лес, дорога, приближающийся свет фар вражеской машины – все слилось в сплошное мельтешение.

«Мы еще посмотрим, кто первым наложит в штаны», – подумал Лестер Дж. Гиллис, известный прессе и полиции как Малыш Нельсон. Презрительно фыркнув, рассмеявшись и ощутив внезапный прилив радости, он направил свою машину прямиком между фар и втопил педаль в пол.

Глава 06

Литтл-Рок, штат Арканзас
Наши дни, через день

Все стрельбища примерно одинаковые. Этот тир находился в придорожном торговом центре и включал в себя розничный магазин с приличным выбором пистолетов последних моделей, но вот охотничьих винтовок могло бы быть и побольше; неплохой ассортимент автоматических винтовок и короткоствольных ружей – и ни одной двустволки. Он не был обшит сосной с затейливым рисунком древесины, с его стен не взирали в вечность стеклянными глазами оленьи головы; вместо этого на огневом рубеже – зомби и безумные клоуны, а также анатомически откровенные силуэты и обыкновенные круглые мишени. Очевидно, главной темой здесь была самооборона и бурно развивающийся рынок оружия для скрытного ношения, и на стойке собственно тира, притаившегося в полумраке за толстым плексигласом, старый «Кольт» привлек внимание.

– Ого, – сказал дежурный по стрельбищу, – это отличная штучка, сэр. Вы точно хотите из нее пострелять? Возможно, она имеет коллекционную ценность.

– Я хочу проверить работу механизма и точность стрельбы, – сказал Боб, – после чего разобрать на детали и выставить на продажу. Из этого «Кольта» не стреляли с тридцать четвертого года. Мне нужна коробка патронов с цельнооболочечными пулями.

– Хорошо, сэр, но опять же у нас есть патроны с пулей весом двести гран с полым наконечником. Так гораздо безопаснее, и отдача слабее.

– Думаю, я как-нибудь справлюсь с цельнооболочечными. Если это мог мой дед, смогу и я. Эту вещицу изготовили в Хартфорде для жесткой игры. В тридцать четвертом в другие игры и не играли, но вы это и без меня знаете.

– Если и знал, то забыл, – ответил дежурный с лицом римского легионера за очками, которые в последний раз были в моде в начале семидесятых.

Боб взял белую картонную коробку с пятьюдесятью обычными патронами «винчестер» с пулей весом двести тридцать гран в стальной оболочке, мощная останавливающая сила; государство на протяжении семидесяти трех лет снабжало такими свои правоохранительные структуры, под обозначением «патрон 45-го калибра», и за ним навсегда закрепилось прозвище «твердый орешек». Затем он надел обязательные очки и наушники и прошел в двустворчатую дверь. Дежурный зажег свет, осветив пещеру с восемью кабинками для стрельбы, каждая с электрическим приводом, доставляющим мишени на дистанцию двадцать пять ярдов. Боб прошел в указанную кабинку, положил чемоданчик на полку и закрепил на стенде стандартную мишень НСА[8] – простой черный круг. Обернувшись, нашел выключатель и отправил мишень на отстоящий в двадцати пяти ярдах огневой рубеж, дождавшись, чтобы та наткнулась на противоположную стену.

Затем, быстро и без церемоний, Боб достал пистолет из коробки, вскрыл картонную коробку, с глухим стуком высыпал патроны на полку, где те раскатились в стороны с тяжелой властностью, после чего отвел затвор назад и нажал на кнопку, извлекая магазин.

Он вставил в магазин семь патронов, ибо Чарльз Свэггер заряжал пистолет именно так. Впрочем, быть может, он загонял один патрон в патронник, ставил пистолет на предохранитель, вынимал магазин и вставлял в него еще один патрон, превозмогая усилие пружины. Ста-

[8] Национальная стрелковая ассоциация (НСА) – общественная организация, объединяющая свыше 2,8 млн владельцев оружия и тех, кто выступает в защиту права на владение оружием. Выступает в роли оружейного лобби во всех ситуациях, затрагивающих интересы производителей и продавцов личного оружия.

рый трюк настоящих стрелков; это давало ему один дополнительный выстрел в перестрелке, где один выстрел мог решить все.

И Чарльз стрелял бы с одной руки, ибо в те времена концепции под названием «современная техника», предписывающей во всех случаях держать пистолет двумя руками, обеспечивая ему упор в жесткий треугольник из костей, еще не было, и появилась она только в конце пятидесятых. Все рассматривали пистолет как оружие, с которым нужно обращаться одной рукой, как это показано на всех старых картинках, почему, наверное, в те времена так много мазали.

Но Боб уже много лет не стрелял с одной руки, поскольку такая техника практически полностью исчезла с лица земли, и он понимал, что если сегодня испробует эту тему, то его будет ждать одно только разочарование. Вместо этого развернулся к мишени вдалеке под углом сорок пять градусов и встал на изготовку – то есть правая рука держит пистолет, крепко сжимая рукоятку; левая рука обвита вокруг правой и также крепко сжата; правое плечо напряжено; спина прямая; левая рука поддерживает правую, напряжена. Тут главное было дойти до полного автоматизма. Когда Боб нашел мушку, он снова восхитился мастерством первого поколения стрелков 1911 года, ибо это было лишь булавочное острие, и обнимающая ее прорезь прицела, чьи ушки должны были поддерживать это острие, также была крошечной. Но Боб совместил мушку с прицелом, хотя пространство для маневра было максимально ограниченным, почувствовал, как подушечка указательного пальца легла на изгиб спускового крючка, и медленно-медленно надавил.

Когда пистолет выстрелил, это явилось неожиданностью, поскольку все произошло быстрее, чем предполагал Боб, отдача оказалась сильнее, отозвавшись болью в соединении между большим и указательным пальцами, потому что он держал пистолет слишком высоко, как того требовала современная техника, в то время как на рукоятке не было большой накладки, поглощающей удар, и пистолет разряжал свою энергию прямиком в нежное место.

Всмотревшись в цель, Боб не нашел никаких следов попадания. Подумал: «Черт, я не попал даже в мишень!», и повторил упражнение еще шесть раз, стоя под тем же самым шестичасовым углом к мишени. Дыма было немного, но в маленьком помещении шириной всего восемь дорожек он собрался в облачко и поплыл назад, – и это принесло бы Бобу воспоминания длиной в целую жизнь: горячие точки, погибшие товарищи, полные отчаяния ночи, страх повсюду, – если б он это позволил. Но он наглухо закрыл свою память.

Бросив взгляд на мишень, Боб подумал, что промазал вчистую.

«Практики нет, – подумал он. – Совсем нет».

Однако, подкатив мишень, с удивлением обнаружил скопление из четырех отверстий в черном круге, как раз на кольце с цифрой «10», и еще три рядом, самое дальнее точнехонько в кольце «6».

Он еще раз оценил впечатления от стрельбы, стремясь определить нюансы, которые позволили бы ему компенсировать силу отдачи и уменьшить боль в руке. Только тут до него дошло, как плавно двигался спусковой крючок, без шероховатостей, без микротрещин сопротивления; конечно, от одного только прикосновения выстрел не произойдет, но тем не менее качество весьма полезное. Внимательно рассмотрев пистолет, Боб также отметил, что мушка чуть-чуть отогнута вправо умелым ударом резинового молоточка – свидетельство того, что конкретно этот экземпляр упорно посылал пули влево, и тот, кто разобрался с этой проблемой – его дед или какой-нибудь другой джентльмен? – подправил мушку, сдвинув ее на волосок, чтобы пули оставались в черном.

Боб быстро расстрелял оставшиеся сорок три патрона и выяснил, что на дистанции двадцать пять ярдов, например, он может без особого труда обеспечить разброс пуль меньше дюйма, даже подправив упор руки так, чтобы предохранительная накладка при отдаче не впивалась в мягкие ткани. Свэггер потряс пистолет и не услышал никакого грохота, из чего сле-

довало, что детали были подогнаны друг к другу гораздо плотнее, чем у стандартного «сорок пятого», который собирался свободно, чтобы, даже забитый грязью Фландрии, пеплом Иводзимы или песком Дананга, он продолжал функционировать исправно, точно и метко.

Когда Боб покончил со всем этим и вернулся через двустворчатые двери в магазин, дежурный по стрельбищу сказал:

– Знаете, я наблюдал за вами и вижу, что вам довелось немало пострелять. Мало кто может на двадцати пяти ярдах попасть в черный круг. Вот почему все стреляют в зомби.

– Да, довелось, много лет назад, – подтвердил Боб. – Вы, случайно, не можете взять пистолет в мастерскую, чтобы разобрать его и хорошенько посмотреть на детали? Я хочу получить представление о том, как с ним поработали.

– Конечно, это будет чертовски интересно, – согласился дежурный, похоже, человек дружелюбный и общительный, чем, вероятно, наполовину объяснялось то, почему это заведение продолжало работать в нынешние неблагоприятные времена.

Они подошли к верстаку у стены, где чистилось прокатное оружие, когда слишком забивалось грязью. Взяв пистолет, дежурный умелыми движениями разобрал его на части.

– Вижу, вам частенько приходится этим заниматься, – заметил Боб.

– Служил в армии. Вьетнам, с шестьдесят девятого по семидесятый. Всего отбарабанил двадцать лет, вышел в отставку с восемью лычками.

Боб рассмеялся.

– Тут ты меня обогнал, «верх», – сказал он, используя распространенное прозвище сержанта-майора[9]. – Я успел заслужить только шесть, прежде чем мне дали пинка под зад.

– Армия?

– Морская пехота. Во Вьетнаме тоже побывал. Вот так встреча!

– Точно, – согласился сержант-майор. – Так, а теперь посмотрим, что там у нас есть.

Двое бывших вояк внимательно изучили тридцать семь деталей, на которые разобрался «Кольт» коммерческой модели, серийный номер 157345С.

– Несомненно, – заметил «верх», – с этой штукой основательно поработал человек, который знал, что делает. Взгляни, как аккуратно спилены мелким напильником все острые углы на спусковом крючке, чтобы сделать его ход более плавным, не отрезая витки от пружины.

Бобу пришлось прищуриться: глаза у него уже были не те, что раньше.

– Да, – согласился он.

– Также я обратил внимание на то, что этот человек поработал молоточком по направляющим затвора, очень аккуратно постучал по ним, мастерски чуть раздвинул их, чтобы плотнее удерживали затвор. После чего отполировал обе трущиеся поверхности, верхнюю часть направляющих и паз в затворе. Плотное соединение и гладкое скольжение определенно положительно сказались на точности.

– Вижу, – подтвердил Боб, заметивший и почувствовавший то же самое.

– Он также отполировал досылатель и сгладил прямой угол в том месте, где он вставляется в раму. Так патрон никогда не заклинит – дополнительная мера предосторожности. При стрельбе мощным патроном со «сплошной» пулей патрон практически никогда не заклинивает, но для нашего стрелка этого было мало, и он решил заменить «практически никогда» на «ни при каких обстоятельствах».

– Хорошее замечание, – согласился Боб. – А я это упустил.

– По сути дела, этот человек усовершенствовал довольно ненадежный в боевых условиях пистолет, повысив его точность и надежность. Он знал, что делает.

[9] Сержант-майор – третье по значимости звание сержантского состава в армии США.

– И, наконец, – сказал Боб, указывая на едва заметный след на вороненой стали пистолета, проходящий по передней стороне рукоятки прямо под спусковой скобой, – у тебя есть какие-либо мысли насчет того, что это такое?

– Никогда прежде не видел ничего подобного, – признался «верх». – Повидал много «сорок пятых», но это для меня что-то новенькое.

– Ты не там смотрел. Нужно было заглянуть в музей техасских рейнджеров в Уэйко. Рейнджеры привязывали к рукоятке кожаный ремешок, чтобы удерживать флажок рукояточного предохранителя нажатым. На тот случай, если им придется быстро схватиться за оружие – а я думаю, такое случалось часто, – они не хотели в спешке промахнуться пальцем по предохранителю, в результате чего вместо выстрела последует лишь щелчок. Так вот, на этом пистолете был такой ремешок, удерживающий предохранитель, и за долгие месяцы он оставил на стали след. Вот что ты перед собой видишь. Кое-кто так заботился о том, чтобы сделать выстрел быстро, что даже спиливал спусковую скобу. Ситуация должна быть крайне серьезной, прежде чем я решусь на что-либо подобное.

– Если б я попытался убирать в кобуру «сорок пятый» со спиленной спусковой скобой и привязанным рычажком предохранителя, я бы на третий день точно прострелил себе колено.

Боб рассмеялся.

– Но если серьезно, – продолжал «верх», – если сможешь доказать причастность к этому техасских рейнджеров, ты увеличишь стоимость пистолета для коллекционеров вдвое, а то и втрое. Сейчас развелось много поклонников рейнджеров.

– Я уверен, что владелец пистолета был знаком с техасскими рейнджерами, знал, как они работают, и научился у них кое-каким штучкам. Но не могу сказать, был ли он сам рейнджером.

– Однако если он участвовал в какой-то войне, то явно постарался обеспечить себе все возможные преимущества, – заметил «верх». – Это несомненно.

– Ты мне очень помог, – сказал Боб. – Сколько с меня за твое экспертное заключение?

– Если ты побывал во Вьетнаме, брат, никакой платы. Ты уже за все заплатил сполна.

* * *

Вернувшись в гостиницу, Боб обнаружил у себя в номере конверт, просунутый под дверь, и сразу понял, в чем дело. Он позвонил жене.

– Привет, все пришло, спасибо.

– Надеюсь, это тебе поможет, – сказала та.

– Ну как знать, может быть, я что-нибудь подцеплю, хотя вероятность этого мала.

– Долго ты еще собираешься оставаться в Литтл-Роке?

– Здесь я уже со всем покончил. Завтра направляюсь в Блю-Ай, там меня встретит Энди Винсент. Я предупредил его, что хочу все сделать тихо, никакого героя-победителя, возвращающегося домой; и опять же, я сомневаюсь, что от старика там много чего осталось. Черт возьми, от моего отца мало что осталось, так чего же можно ждать от предыдущего поколения?

– Хорошо.

– А потом – в Вашингтон, посмотреть, выудил ли что-нибудь в архивах Ник. Буду дома через три или четыре дня.

– Это я уже слышала, – сказала жена.

Наконец Боб переключил все свое внимание на конверт. Вскрыв его, достал одинокий пожелтевший лист картона размером четыре на шесть дюймов, перевернул его и всмотрелся в суровое лицо и ничего не прощающие глаза Чарльза Фитцджеральда Свэггера, сфотографированные одним погожим днем весны 1926 года. Для Эрла, отца Боба, эта фотография являлась единственным признанием того, что у него был отец, и хранилась она в старой, потрепанной коробке из-под обуви вместе с другими документами и памятными вещами Эрла, которые Боб

в последний раз перебирал больше двадцати лет назад. Тогда он обратил внимание на фотографию, но не стал ее рассматривать.

И вот теперь Боб долго изучал выцветший снимок, затем перевернул его и прочитал подпись: «Папа, 1926 год», выведенную чернилами, цветистым бабушкиным почерком.

Да, у Чарльза было лицо убийцы, если верить в подобную дребедень, и в его тонких и длинных костях Боб видел свое собственное телосложение и телосложение своего отца: широкие скулы, отскобленные начисто, запавшие щеки, суровый и упрямый форштевень носа. Губы, казалось, были генетически неспособны растянуться в улыбку; их жесткая линия являлась свидетельством честности, морального превосходства, уверенности в себе или просто строгости, присущей истинному полицейскому.

Чарльз опирался на плетень, в солнечный день, перед объективом громоздкой камеры, которую держала в руках его жена Брауни. Одет он был так, как одевались в 1926 году ковбои: огромная белая шляпа, надвинутая на лоб, объемом добрых двенадцать галлонов, с ровными, прямыми полями, окружающими прямую, словно пуля, тулью. Темный костюм-тройку Чарльз носил с беспечной небрежностью человека, который носит темный костюм-тройку каждый божий день и даже в мыслях не может себе представить сойти с крыльца своего дома в каком-либо ином облачении. Сорочка была белая, с круглым жестким воротничком; поверх него был повязан черный галстук, который спускался на грудь и исчезал, поглощенный туго застегнутым темным жилетом. На левом лацкане господствовал значок в виде звезды в круге, не заметить который было невозможно. На поясе Чарльз затянул портупею, ячейки которой демонстрировали здоровый запас больших ребят к «Кольту» калибра.45, решительно заявляя, что каким бы жарким и напряженным ни стало дело, боеприпасы у ее владельца не иссякнут. На правом бедре, открывшемся благодаря поле пиджака, картинно сдвинутой назад якобы небрежной рукой в кармане, виднелся знакомый профиль «Кольта» модели 1873 года, знаменитого «Миротворца», на протяжении почти пятидесяти лет украшавшего ремень всех служителей закона на Западе и на Юге, а также появившегося в таком количестве вестернов, что ему по праву можно было бы дать «Оскар». Вероятно, этот револьвер предназначался для торжественных случаев, его линии провозглашали наследие служителей закона Дикого Запада, но для настоящей работы Чарльз, вне всякого сомнения, использовал табельный пистолет «Кольт» модели 1911 года, сослуживший ему отличную службу в окопах Фландрии. Над объятиями кобуры виднелись лишь курок и рукоятка с накладками из слоновой кости «Миротворца», но Боб явственно представил себе сильные, большие руки стрелка, которые могли меньше чем за секунду выхватить револьвер и всадить свинец в любого врага на расстоянии до сорока ярдов, даже несмотря на то, что к 1926 году его конструкция уже безнадежно устарела.

Боб всмотрелся в лицо. Родившемуся в 1891 году Чарльзу в том году было тридцать пять лет, Эрлу – девять, а Бобби Ли, тезка Боба, еще не был зачат. Возможно, маленький Эрл кривлялся где-нибудь за кадром в это застывшее мгновение давно минувшей жизни, а папа собирался через несколько минут сходить с ним в магазин и купить большое мороженое. А может быть, Чарльз только что нещадно отлупил сына за какое-то незначительное нарушение кодекса, известного ему одному, однако кодекс этот он насаждал с жестокостью тюремного надзирателя, и мальчишка томился, запертый в погребе, мучаясь болью везде, но в первую очередь в душе.

Сказать невозможно. Никак невозможно. Это была лишь фотография американского служителя закона середины двадцатых годов, гордого собой и своей преданностью долгу, честного, неподкупного, храброго, готового вступить в перестрелку с кем угодно во имя безопасности простых граждан. По сути дела, это была афиша к фильму «Я, служитель закона», существовавшего только в сознании страны, – и, подобно всем символам, она не собиралась просто так раскрывать свои тайны.

Часть вторая

Глава 07

Банкерс-билдинг, Чикаго
Июнь 1934 года

Чарльз договорился с судьей: тот согласился молчать, поскольку известие об отсутствии шерифа могло привлечь преступников. О том, куда он отправляется и чем будет заниматься, Чарльз не сказал никому, кроме своих помощников и своей секретарши, да и им сообщил лишь самый минимум. Два костюма, шесть сорочек и черный галстук Чарльз сложил в чемодан, вместе с остроносыми коричневыми полуботинками, чтобы ходить по воскресеньям в церковь, рабочими штанами, нижним бельем и носовыми платками. А также свою украшенную изысканной гравировкой подплечную кобуру, хотя пистолет он оставил дома. Также Чарльз захватил пять сотен наличными, мелкими купюрами, из «беличьих запасов», которые он втайне от всех откладывал на собственные нужды.

Жена отвезла его на станцию, и даже не в Литтл-Роке; они ехали целый день мимо убогих «гувервилей»[10], прозябающих в глуши, мимо вспаханных под пар полей, уничтоженных засухой, преждевременно пожелтевших лесов и пересохших ручьев, и конечной их целью был центральный вокзал Мемфиса, где никто не мог случайно его узнать.

Бобби Ли сидел сзади. Он был довольно красивый, с густыми волосами, длинный и гибкий в свои восемь лет; ему следовало бы быть вожаком ватаги. Но вечно спутанные волосы беспорядочно торчали в стороны, рот был полон слюны, стекавшей по подбородку и покрывавшей коркой губы, а язык никак не мог успокоиться, постоянно шаря и катаясь по рту, словно моллюск. И сам Бобби Ли не мог сидеть спокойно – он был все время какой-то скрученный, будто члены его были опутывающими его веревками и он крутился и вырывался, силясь от них освободиться.

– Папа ехать далеко, – сказал мальчик.

– Да, Бобби, – подтвердил Чарльз. – На какое-то время папа ехать далеко. А ты веди себя хорошо и заботься о маме.

– Папа ехать далеко, – повторил Бобби, поскольку отвечать на слова своего собеседника ему было очень трудно.

– Где ты там остановишься? – наконец заговорила Брауни.

– Ну, думаю, сниму где-нибудь студию. Одна комната с раскладушкой. Жить с соседями я не смогу, им не дадут спать мои кошмары.

– Чарльз, тебе нужно лечиться.

– Ты хочешь, чтобы какой-нибудь врач начал расспрашивать меня про мои тайны? Это все война, от нее никуда не деться. Так что мне придется просто потерпеть. Никто не должен заглядывать ко мне в душу.

– Ты даже со мной почти ничем не делишься. Такой замкнутый…

– Ты это знала. Я тебя не обманывал.

– Я надеялась, ты станешь мягче. Но война лишь сделала тебя еще жестче. Ты никогда не смягчишься.

– Папа ехать далеко, – сказал сзади Бобби, и в зеркало заднего обозрения Чарльз увидел, что у сына из носа вытекла сопля, которая, оставив блестящий след, повисла в уголке рта.

---

[10] «Гувервиль» – трущобы из «домов», собранных из картонных коробок, листов железа и т. п. безработными в годы Великой депрессии (1929–1933), совпавшей с президентством Г. Гувера.

Шериф сел на пассажирский поезд до Чикаго. Состав был старый, обшарпанный; черный паровоз своими красками копоти и грязи олицетворял практическую целесообразность. На ходу он извергал кучевые облака дыма – на окружающий мир в целом и на свои собственные девять вагонов в частности, – поэтому ни одно окно не оставалось чистым, повсюду висел запах угля, а в глазах стояли слезы. Состав состоял целиком из вагонов, оставшихся от эпохи до Великой войны; в вагонах пахло плесенью и сыростью, не говоря про пот, кровь и блевотину. Эти древние вагоны повидали много жизни и даже немного смерти. Хорошо хоть, государство разорилось на спальное место в пульмановском вагоне, и Чарльзу не пришлось сидеть всю дорогу в окружении несчастных негров, направляющихся на север в надежде на лучшую долю. Еда в вагоне-ресторане, которую подавали официанты в куртках, когда-то, возможно, и бывших белыми, однако теперь уже определенно не являвшихся таковыми, была вполне сносной, но явно не доходила до легендарных стандартов знаменитых «Панама лимитед», самых роскошных американских экспрессов, регулярно курсировавших по этому маршруту на север из Нового Орлеана вплоть до прошлого года. Великая депрессия делала свое дело, и жизнь становилась труднее, что бы там ни обещал мистер Рузвельт, большие деньги ушли, и вместе с ними – роскошное обслуживание вроде этих золотых экспрессов.

* * *

Банкерс-билдинг, по адресу Западная Адамс-стрит, дом 105, где на девятнадцатом этаже из имеющихся сорока одного разместилось Чикагское отделение Отдела расследований Министерства юстиции, представляло собой солидное сооружение; его огромный силуэт заслонял бы солнечный свет на многие мили вокруг, если б рядом не возвышались такие же солидные сооружения, выполнявшие ту же самую миссию. Чарльз уже видел Чикаго, и город не произвел на него впечатления; точно так же, как он видел Лондон, Париж и Майами, и они тоже не произвели на него впечатления. Размеры и масштабы Банкерс-билдинг не имели для него никакого значения, как и его силуэт огромной лестницы, ступеней, по которым мог бы подняться к небесам гигант; сплошь кирпич, с фризами греческих идеалов зарождения цивилизации; часовой, замерший в торжественном карауле над сверкающим бронзой и красным деревом входом с Адамс-стрит.

В сознании Чарльза небоскребы не оставляли следа, как и в сознании тысяч жителей Чикаго, заполнявших улицы второго по размерам города страны. Великая депрессия здесь практически не чувствовалась; облаченные в добротные костюмы и шляпы горожане сновали туда и сюда, не обращая внимания на плотные потоки транспорта, морщились от запаха выхлопных газов тысяч машин, убеждая себя не обращать внимания на безумную суету жизни большого города, в то время как вокруг них, подобно кружащимся индейцам, с ревом проносились по эстакадам поезда по помпезной кольцевой дороге под названием «Петля». Чарльз не терял времени на то, чтобы глазеть по сторонам, глотать слюнки и восторженно ахать. Он был слишком стар для этого. Слишком умудрен опытом. У него на счету имелось слишком много убитых людей. К тому же ему требовалось решить одно дело. И дело это звали Мелвин Первис.

– Мел вам понравится, – сказал Коули после того, как заарканил Чарльза на новую работу. – Он человек порядочный, интеллигентный, храбрый и честный.

– Понятно, сэр. Могу я спросить, в чем его проблема?

– Он один из тех, кто проклят красотой.

Чарльз кивнул. Прекрасно разбираясь в человеческих достоинствах и слабостях, он понимал, что от красивых мужчин можно ждать чего угодно. Это правило быстро усваивают пехотный офицер и полицейский.

Красавчики быстро привыкают находиться в центре внимания. Они ждут, что все произойдет именно так, как хотят они. Не любят получать приказы, особенно от тех многих, кто

внешне менее привлекателен. Живут в своем собственном ритме. Порой словно не слышат то, что им говорят. Очень упрямы, но обусловлено это не какой-то четкой логической линией, а убежденностью в том, что красота дает им определенные божественные права. Кино и иллюстрированные журналы только усугубили все эти проблемы, поскольку на экране самый красивый мужчина непременно оказывается самым лучшим, центром вселенной, притягивающим всех девчонок, героем, победителем, – и в жизни смазливый парень нередко воображает то же самое о себе, вот только ему еще необходимо делом заслужить подобную репутацию. Поэтому все эти проблемы – сознание собственной значимости, затаенные обиды, постоянное соперничество, зависть, ревность, мелочи такие мелкие, что они даже не заслуживают упоминания, однако оставляют незаживающие раны, – превращают общение с красивым мужчиной в тяжкое испытание.

Стратегия Чарльза абсолютно во всех делах заключалась в агрессии; вот почему он хотел первым делом разобраться с этим красавчиком, и потому, лишь бросив взгляд на полное народу дежурное помещение, направился прямиком в кабинет Первиса, сообщил секретарше, кто он такой, и выразил надежду, что глава отделения уделит ему несколько минут.

Но действительно ли Первис возглавлял отделение? Это еще было под вопросом. Директор любил оставлять некоторую неопределенность, чтобы можно было наиболее благоприятно подправить отчеты о проведенных операциях, и посему оставалось неясным, кто именно возглавлял эту группу следователей Отдела. Первис привлекал к себе все внимание; прозванный «Кларком Гейблом» отделения, он был его лицом и в радости, и в горе. Первис быстро усваивал, что вместе со славой приходит и критика – всегда. На самом деле руководил отделением как следственным ведомством Сэм Коули; это он принимал решения, был организатором и сам работал до безумия напряженно. У него имелась прямая линия связи с директором, и он по несколько раз в день разговаривал с этой августейшей личностью, в то время как Первис оставался за пределами узкого круга приближенных.

– И, если сможете, сделайте для меня одно одолжение, – добавил Сэм. – Пожалуйста, для всех относитесь к Мелу так, будто именно он тут главный. Если наши ребята почувствуют, что наверху какие-то разногласия, они забеспокоятся. Все вопросы должны поступать ко мне через Мела. Не надо, чтобы он чувствовал себя обойденным. Это понятно?

– Думаю, я с этим справлюсь, – сказал Чарльз.

По армии и по своему округу он знал, что в жизни структура ведомства редко оказывается такой прямолинейной, какой прописана на бумаге. И вести игру нужно, исходя из действительности, а не идеала.

– И еще есть Клегг, – продолжал Коули.

Далее он объяснил, что Клегг, еще один следователь, якобы гений тактики, фактически руководил операцией в «Маленькой Богемии», и хотя широкой общественности его имя было не известно, в Отделе его хорошо знали. Поэтому именно его винили в провале. Однако Клегг принадлежал к «старой гвардии» Отдела – на самом деле он пришел еще до назначения директора, – поэтому никаких официальных санкций к нему применить не могли. А он был рад возможности свалить вину на других и вести себя так, будто ничего не произошло. На его карьере это никак не сказалось. Но его деликатно отстранили от вопросов тактики и обучения, и теперь он занимался исключительно административной работой.

Таким образом, тактическая сторона дела оставалась неприкрытой, и Чарльз догадывался, кому ее поручат, поскольку он кое-что смыслил в подобных вопросах, так как во время Великой войны провел пятьдесят с лишним рейдов. К этому также можно было добавить и то, что он был в Отделе человек посторонний, без своих покровителей, и потому им можно было легко пожертвовать в случае новой катастрофы.

Первис оказался весьма приятным человеком – еще мягче, чем Сэм Коули. Как и говорил Сэм, он обладал очень привлекательной внешностью кинозвезды: лет тридцати, с зализан-

ными назад светлыми волосами, как это было принято в Голливуде, орлиным носом и ровными белоснежными зубами. Одет Первис был безукоризненно, опять же как кинозвезда: накрахмаленная сорочка, галстук, обвивший жесткий воротничок, по последней моде, темно-красный; костюм-тройка – великолепный образчик портновского искусства, клетчатая шотландка в стиле, введенном герцогом Виндзорским, бесспорным претендентом на звание самого щегольски одетого мужчины на свете. Протянув руку с ухоженными пальцами, он сказал:

– Шериф, зовите меня просто Мелом. Рад, что вы с нами в одной лодке.

Когда Первис встал из-за стола и шагнул ему навстречу, Чарльз обнаружил еще одну неблагоприятную реальность – Первис был коротышкой. Коротышка с красивым лицом: коварное сочетание.

– Очень рад быть здесь, сэр.

– Пожалуйста, садитесь. Закуривайте, если хотите. Я сам сейчас выкурю сигару, не желаете присоединиться?

– Благодарю вас, сэр, нет. Я – деревенский парень и привык по старинке скручивать самокрутки.

Первис достал, обрезал и раскурил сигару размером с торпеду, наслаждаясь каждым шагом этого ритуала, а также используя его для того, чтобы оттянуть свою маленькую лекцию, ибо он до сих пор еще не определился с тем, что сказать. Чарльз отметил эту заминку, пока скручивал идеальную самокрутку – господь одарил эти умелые руки еще одним маленьким даром, – и запаливал ее, в свою очередь также наслаждаясь возможностью покурить. Смахнув с губ крошку табака, он повернулся к своему частично-наполовину-вроде-как-бы-непонятно-какому боссу.

Первис начал с лести, не подозревая, что Чарльз к ней бесчувственен, хотя и оценил усилия.

– Вы приехали из провинции, но не деревенщина, если судить по вашему личному делу. Все эти рейды во время войны… Вы вышли победителем в семи перестрелках, в том числе в знаменитом деле с отделением Первого национального в Блю-Ай – вы против трех городских ребят, вооруженных до зубов, и вы уложили всех троих.

– Тут сыграло свою роль везение.

– Я бы уточнил: везение, а также мастерство и мужество. Так или иначе, в настоящий момент мое имя втоптано здесь в грязь – втоптано в грязь везде, раз уж об этом зашла речь, из-за той кутерьмы в Висконсине. Если б я верил слухам, то собрал бы вещички и купил билет домой до Южной Каролины. Вы знакомы с этим делом?

– В общих чертах, сэр. Подробностей я не знаю.

– Вот вам подробности. Мы облажались. Оправдания никого не интересуют, всем нужны только результаты. Клегг облажался, я облажался, мои ребята с пистолетами облажались. Очень много стрельбы, и всё без толку. Пострадали невинные. Мы потеряли одного сотрудника. В глазах директора я упал ниже некуда. Так что если вы сможете пригвоздить Диллинджера, вы не только окажете великую услугу своей родине, но и сильно поможете Мелвину Первису из Флоренса, штат Южная Каролина.

– Понятно, сэр.

– Мы хотим, чтобы вы взяли на себя обучение огневой подготовке и тактике, вероятно, на полицейском стрельбище в Чикаго, два раза в неделю. Вам придется потрудиться, но нашим парням необходимо научиться стрелять. Они ребята хорошие, толковые, однако готовились стать профессорами криминалистики, а не стрелками Дикого Запада. И нам нужно подтянуть их до уровня тех, с кем им предстоит сражаться, а эти гангстеры, сказать по правде, стреляют прекрасно и в деле ведут себя решительно. Ни в коем случае нельзя относиться к ним с пренебрежением. Они – грозные противники. Говорят, что тот, кого, немыслимое дело, зовут

Малышом, – лучший в стране стрелок из пистолета-пулемета «Томпсон», а Гомер ван Митер и Рыжий Гамильтон отстают от него совсем немного.

– Я с радостью займусь огневой и тактической подготовкой. Лучшая тактика: стреляй первым.

– Великолепно. К сожалению, в Висконсине мы открыли огонь первыми и подстрелили трех безобидных ребят и предупредили гангстеров.

– Плохая разведка.

– Полностью согласен. Хорошо, теперь несколько правил. Первое и главное: ни слова ребятам из прессы.

– Понял.

– Второе: никакой славы. Слава достается Отделу, а не отдельным агентам, а наш директор и *есть* Отдел. В начале карьеры я допустил ошибку и приобрел известность. Я слишком много говорю, мне никак не удается заставить себя замолчать. Вот почему я сам накликал на себя беду. И не знаю, как из нее выбраться, поскольку все газетчики ждут от меня каких-либо заявлений, и если я их не делаю, они воображают, будто что-то пошло не так. Поэтому чем лучше я выполняю свою работу, тем в более плохом свете предстаю сам. Не повторяйте эту ошибку, шериф.

– Не повторю, сэр.

– Костюм и галстук, подстриженные волосы, чисто выбрит, и так каждый день. Думаю, вам не нужно это объяснять.

– С этим никаких проблем.

– Все отношения и связь с другими ведомствами, федеральными и местными, только через меня или мистера Коули.

– Да, сэр.

– Не раскрывать никакую информацию другим ведомствам, федеральным и местным, без разрешения моего или мистера Коули.

– Есть.

– Директор хочет, чтобы у всех его ребят в жизни все было чисто. Это означает, что если ты пьешь, делай это тихо. Если тебе нужна сожительница, делай это тихо. Никакого шума, никакой суеты. Машина есть?

– После того как я здесь обустроюсь, могу перегнать сюда свою.

– До тех пор мы снабдим вас машиной. Половина бензина оплачивается. Суточных нет, если только тебя не командируют в другое место или приходится работать сверхурочно. Кстати, никакой оплаты сверхурочной работы нет, даже в виде простой благодарности, зато с лихвой приходится вкалывать по двадцать четыре часа в сутки. И еще я дам вам список чикагских заведений, где мы не хотели бы вас видеть: питейные, клубы, бордели и, разумеется, другие злачные места, облюбованные гангстерами.

– Да, сэр.

– Вам нужно будет освоиться с определенным порядком. Чикаго – город мафии. Но нас мафия не интересует, ею занимается Министерство финансов. Аль Капоне – его враг, а не наш. Директор сосредоточил наши усилия на Диллинджере и других ребятах, работающих по банкам. Так что вам, возможно, придется закрывать глаза на определенную деятельность, благодаря которой деньги поступают на счета ребят с итальянскими фамилиями, такими как Нитти[11].

– С этим я справлюсь.

---

11 Имеется в виду Франческо Рафаэло Нитто, известный как Фрэнк Нитти, американский гангстер итальянского происхождения, правая рука Аль Капоне; после его ареста возглавил преступную группировку в Чикаго.

– Если у вас появятся какие-либо осведомители, вы должны будете поделиться информацией со мной или специальным агентом Коули. Мы не допустим – и директор не потерпит – одиноких волков, доблестных псов и солистов.

– Понятно.

– И, наконец, я буду очень рад возможности увидеть на бумаге ваши учебные планы. Сможете?

– Если вы не будете ничего иметь против одной-двух орфографических ошибок.

– Это я уж как-нибудь переживу. Попрошу, чтобы Клегг показал вам, что к чему. Он человек непростой, очень переживает за свое положение, но я не сомневаюсь, что вы с этим справитесь.

– Да, сэр.

– Оружие получите в арсенале. Большинство наших ребят носят револьвер «Кольт» тридцать восьмого калибра. У нас есть также несколько пистолетов сорок пятого калибра, полученных от почтового управления. И, разумеется, десять «Томпсонов», пять крупнокалиберных винтовок «Браунинг» и пять ружей «Ремингтон модель одиннадцать». Что касается табельного оружия, выбор за вами.

– Я привык к «сорок пятым». Обращаться с ними меня научили в армии, и я вошел во вкус.

– Как вам угодно. И еще вот это.

Выдвинув ящик стола, Первис достал значок – овальный кусок бронзы, хорошо обработанный, простой, увесистый.

– Теперь вы официально приняты в Отдел. Молодым ребятам нравится торжественно приносить присягу, но, полагаю, вы уже достаточно взрослый и можете обойтись без этого.

– Никаких торжественных церемоний мне не надо. Достаточно будет уже того, что я приколю значок к груди.

Первис пододвинул значок, Чарльз его взял.

– Это война, – сказал шеф. – Молодые, необстрелянные войска против профессионалов, обладающих большим опытом, тактически грамотных, смелых и дерзких. Перед вами открывается блестящая возможность, но это также очень опасно. Во всех столкновениях вам придется быть на острие, в вас будут стрелять, вам самому придется стрелять на поражение, и много. Каждый день может стать для вас последним, и прикрывать вас будет не Фрэнк Хеймер, а какой-нибудь зеленый молокосос, только что окончивший Йельский университет.

– Ни на что другое я и не согласился бы, мистер Первис, – сказал Чарльз.

* * *

С Клеггом неминуемо должны были возникнуть неприятности. Мрачное настроение было написано у него на лице, поскольку он понимал, что Чарльз станет вместо него боссом по тактике, и это ему не нравилось. Грузный, потерявший форму, с бегающими глазками, одетый с иголочки, Клегг получил у ребят, как вскоре выяснил Чарльз, прозвище Форель за свой маленький, но хваткий и чрезвычайно подвижный рот, вечно скривленный, дергающийся или презрительно поджатый. Он никогда не улыбался, был начисто лишен обаяния, смотрел на окружающих со снисхождением и был переполнен сознанием собственной значимости. Чарльз не потерпел бы подобного ни от кого, однако первый день на новом месте диктует свои требования, поэтому какое-то время он не собирался трогать Форель. Но с нетерпением ждал, когда ему наконец представится такая возможность.

– Сомневаюсь, что вам когда-либо доводилось видеть дежурную комнату таких размеров, – сказал Клегг, обводя рукой помещение, занимающее добрую половину девятнадцатого этажа.

На самом деле это было не так: Даллас, Атланта и Канзас-Сити могли похвастаться такими же большими следственными отделами, бурлящими жизнью, и везде Чарльз встречал радушный прием.

Он просто окинул взглядом просторное помещение, заполненное мрачной мебелью, типичной для всех государственных ведомств: кипы бумаги на столах, на стенах портреты находящихся в розыске преступников, вся та смесь полицейской нищеты и неряшливости, общая для Скотленд-Ярда, НКВД и муниципальной полиции Токио. Люди здесь суетливо носились, говорили по телефону, работали с бумагами, обсуждали дела и просто болтали. Поскольку никто еще не знал, кто такой Чарльз, никто не обратил на него внимания.

– Все в пиджаках, как требует директор. Галстуки затянуты, никаких закатанных рукавов. Ноги на стол не класть. Не разговаривать громко и не смеяться. Дело на первом, на последнем и на всех остальных местах. Ботинки начищены, ногти подстрижены. Нужно вкалывать на работе, а также иметь презентабельный вид здесь, быть внимательным, не сплетничать начальству и отвечать на все звонки. Только костюм. Никаких спортивных курток.

– У меня нет спортивной куртки, – сказал Чарльз.

– Замечательно. – Клегг усмехнулся. – Тут вы уже на очко впереди.

Сомнительно, что он имел это в виду как комплимент, поскольку каждое слово несло в себе изрядный заряд иронии. Клегг, также южанин, держался спесиво; выходец из знатной семьи, он был слишком хорош для такого простого парня, как Чарльз, с корявой грамматикой, большими, сильными, заскорузлыми руками и крепкой, приземленной жизненной силой, который на фоне его собственных изысканных манер и вкуса должен был казаться ему неотесанной деревенщиной. Казалось, всем своим видом Клегг говорил, что достоин лучшего.

– А теперь пройдемте сюда, я покажу вам оружейную комнату.

– Да, сэр.

Он провел Чарльза по коридору мимо дверей, ведущих в маленькие кабинеты, равнодушно отсчитывая их назначение:

– Телетайпная. Комната допросов, комната допросов, комната допросов с однонаправленным зеркалом и комнатой наблюдения по соседству, кабинет мистера Коули…

– Его кабинет здесь?

– Он так сам пожелал. Ни таблички на двери, ни комнаты секретарши. Он сидит там один и сам печатает все документы. Видеть вы его будете крайне редко, поскольку он изучает донесения, разговаривает по телефону с Вашингтоном и другими отделениями, общается с различными правоохранительными ведомствами и все такое. Распределяет задания, отслеживает ход дел, следит за тем, чтобы одну работу не делали дважды, и вмешивается в том случае, если где-то нарушается связь. Но каждое утро на доске появляется свежий меморандум, и если ты в нем упомянут, это хороший знак.

– Мистер Коули произвел на меня впечатление человека, который делает дело и не гонится за славой.

– Точнее не скажешь. Хоть он и был два года проповедником, спасая души язычников на Гавайях, Коули – технарь. Все разложено по полочкам, все записано в книгу, а книга затем отсылается в Вашингтон на радость директору. Ну, вот мы и пришли.

Клегг провел Чарльза в просторное помещение, предназначенное для работы с оружием. У стены стоял верстак с инструментом оружейника и банками масел «Хопп № 9» и «Ремингтон»; терпкий запах «Хоппа» буквально висел в воздухе осязаемыми облачками.

– Штатный оружейник у вас есть?

– У нас есть молодой агент по имени Эд Холлис, который недавно унаследовал эту комнату в качестве одной из своих административных обязанностей. Однако на самом деле он скорее способный бухгалтер, чем оружейник, тем более оружейный слесарь. Эд ведет учет боеприпасов, заносит в журнал все поступившее и выданное на руки оружие, составляет протокол,

если что-нибудь получает повреждение в перестрелке, отправляет оружие на лабораторные исследования в Вашингтон… право, это тяжелая, нудная, грязная работа. Но Эд ее заслужил. Он был в «Маленькой Богемии» и ничем не проявил себя, поэтому я решил на время, если так можно выразиться, убрать его с передовой.

«Ты это специально устроил», – подумал Чарльз.

– Теперь Эд также заведует гаражом, и, наверное, это получается у него лучше. Но если вам предстоит серьезное дело, где может потребоваться оружие помощнее, вы обращаетесь ко мне, я даю «добро» и отпираю сейф. – Клегг указал на массивную стальную дверь в стене. – Оно хранится там. Вернувшись, вы приносите «железо» мне, и я принимаю его у вас назад. Так мы всегда знаем, что здесь, а чего нет. Меньше всего нам хотелось бы потерять «Томпсон». Газеты поджарят нас живьем. – Помолчав, Форель добавил: – На самом деле оружейную комнату мы устроили здесь, потому что вот это, – указал он, – уже тут было.

Это была решетка, за которой, в своем убогом величии, с обшарпанными стенами, грязная, облупившаяся, освещенная одинокой тусклой лампочкой, находилась кабина грузового лифта.

– Мы переделали его так, что он останавливается только здесь, на девятнадцатом, и в подземном гараже, где стоят наши машины. Если мы загружаемся по полной, до своего транспорта добираемся именно так. Нам не хочется бегать по коридорам с автоматами и винтовками «Браунинг», словно армейской штурмовой группе.

Чарльз молча кивнул.

– Вопросы есть? – спросил Клегг.

– Сегодня у меня будет большое дело до Холлиса. Кстати, он что-нибудь смыслит в оружии?

– Я не знаю, умеет ли он его разбирать, но могу сказать точно, что понятия не имеет, когда из него стрелять.

Чарльз сообразил, что именно Холлис первый открыл огонь по трем посетителям, которые после ужина вышли из «Маленькой Богемии» и собирались садиться в свою машину. А что ему оставалось делать? Позволить им уехать? Почему не был подготовлен альтернативный план, запасной вариант как раз на такой случай? Почему это не было предусмотрено? Ведь, в конце концов, у агентов было время прилететь в Висконсин, взять напрокат машины и добраться до пансиона, расположенного в часе езды от аэропорта «Игл-Ривер». То есть эта ошибка была не оперативной, а тактической: отвратительная подготовка, осуществленная именно Клеггом, а сушиться вывесили беднягу Холлиса. Чарльз вдоволь насмотрелся на такое в армии.

– А теперь еще один момент, – сказал Клегг. – Пожалуйста, сюда, шериф.

Он проводил Чарльза обратно в дежурную комнату, и когда они вошли – а к этому моменту новость уже разошлась, – стук пишущих машинок разом прекратился, как и разговоры, писанина, перекладывание бумаг. Чарльз почувствовал, что все взгляды обращены на него, но никак на это не отреагировал.

Клегг подвел его к стене с физиономиями тех, на кого нужно было охотиться.

– Эти лица нужно знать так, как знаешь лица своих детей, – сказал Клегг, вызвав у Чарльза раздражение, поскольку он, разумеется, их уже знал.

– Гомер ван Митер, – быстрой скороговоркой перечислил имена Клегг. – Гарри Пьерпонт. Красавчик Флойд. Вот этот маленький мопс – Лес Гиллис, известный как Малыш Нельсон; говорят, он терпеть не может это прозвище. Ну а вот эта здоровенная псина – сам Джон Диллинджер, враг общества номер один.

У Диллинджера была внешность торговца удобрениями для картошки из маленького городка в Индиане, кем он, возможно, и стал бы в конце концов, если б в возрасте девятнадцати лет его не приговорили к двадцати пяти годам тюрьмы за довольно пустяковое преступление.

В тюрьме Диллинджер освоил ремесло и, как и полагается любому обученному специалисту, по выходе из тюрьмы стал искать способ зарабатывать на жизнь этим ремеслом.

– Он никакой не гений, поверьте мне, и, возможно, даже не возглавляет эту банду. Не разрабатывает планы, не составляет схемы и не просчитывает варианты. Нет никаких свидетельств того, что у него какая-то особая потребность убивать и делать больно. Он не крутой верзила, любитель побуянить в шалмане. Больше того, однажды его застали в постели прильнувшим к другому парню, так что как знать, в чем тут дело… А вот этот тип определенно психопат.

Элегантный, ухоженный палец Клегга остановился на квадратном лице парня, который мог бы сойти за актера из комедийного сериала «Пострелята», ибо очень напоминал смазливого мальчика Микки Макгуайра – своим квадратным курносым носом с раздутыми ноздрями, копной длинных напомаженных волос со светлыми прядями, двумя маленькими и ничуть не страшными глазками и темной полоской усиков.

– Не могу сказать, что им движет, – продолжал Клегг, – но это самое настоящее чудовище, и бедняга Картер Баум выяснил это по полной в «Маленькой Богемии». Если вы увидите Малыша иначе чем в прорезь прицела, он, скорее всего, убьет вас.

Глава 08

Гринкасл, штат Индиана
15 июня 1934 года

Все пребывали в отвратительном настроении, за исключением этого идиота Гомера. Но самое мерзкое настроение было у Леса. Гибель Томми Кэррола ударила его сильнее всех. Томми ехал в «Маленькую Богемию» рядом с ним, Хелен сидела сзади; старые друзья и товарищи, они не раз вступали в перестрелки с полицейскими и полностью доверяли друг другу. Эта поездка должна была стать для них хорошим развлечением. Томми также нравился и Хелен – симпатичный верзила из Монтаны, которому свернули челюсть еще во времена занятий боксом, да так и не вправили до конца, поэтому под новым углом она напоминала фонарь, что придавало ему глупое выражение. Но глупым он, конечно же, не был.

Однако погиб Томми Кэррол глупо. Не в деле, не в полицейской западне, не вследствие предательства или заговора, а просто потому, что так выпали фишки.

Томми смывается из «Маленькой Богемии», федералы палят из «плевалок», наполняя воздух свинцовым бураном, но ни одна пуля не пролетает и рядом с ним. А затем его заваливают двое деревенских полицейских в городке под названием Ватерлоо, штат Айова. Копы, наверное, даже не знали, кто он такой.

– Когда приходит твой срок, ничего не попишешь, – философски заметил Джонни. – Таково наше ремесло. Таков риск.

Уж он-то это хорошо знал. «Джонни» для своих корешей, Джон Диллинджер, самый знаменитый в мире грабитель банков. Чрезвычайно общительный, с живым характером, красивый, хладнокровный, он завораживал всех – и друзей, и врагов. К тому же гениальный мастер выпутываться из самых сложных ситуаций – этот дар затмевал даже его криминальный талант. Дважды ему удавалось выбираться из кутузки – один раз с помощью дружков, а другой раз благодаря собственному гению, с помощью трехцентовой деревяшки и гуталина[12]. Джонни был величайшим преступником.

– У него на заднем сиденье лежали номерные знаки, – сказал Лес. – Вы можете в это поверить? Какой-то юнец, какой-то молодой федерал их замечает – и все, конец, ты получаешь новые дырки.

Это казалось несправедливо.

– Гав, гав, – сказал Гомер. – Я грустный щенок.

Гомер ван Митер, уроженец Индианы, прямиком из Индианаполиса, тощий, как стручок, с копной густых волос и вытянутым, угловатым лицом с полотен Гранта Вуда[13]. У него был прирожденный талант меткого стрелка и чувство юмора, сравнимое разве что с грохотом листа жести, раздираемого на части сворой обезумевших собак. За свою жизнь – ему было двадцать пять лет – он выдал десять тысяч шуток, из которых по крайней мере девять, а то и целых десять были смешными. Однако Гомер не прекращал попыток. И еще у него очень хорошо получалось грабить банки.

– У него даже не было пистолета, – по-оклахомски прогнусавил Чарли. – Он побежал, и «фараоны» его пристрелили. Они даже не знали, кто он такой. Великий Томми Кэррол.

Чарли – Чарльз Флойд по прозвищу Красавчик – был родом из Куксон-Хиллс, свирепый, словно заноза в заднице. Он отлично стрелял, был слишком глуп, чтобы понимать, что такое

---

12 3 марта 1934 г. Диллинджер бежал из тюрьмы Краун-Пойнт, штат Индиана, обезоружив охранника с помощью макета пистолета, вырезанного из куска дерева и выкрашенного гуталином.

13 Вуд, Грант (1891–1942) – американский художник-реалист; основная тематика произведений – жизнь и быт Среднего Запада.

страх, как слово и как концепцию; большой, сильный, угрюмый, желчный. И это в трезвом виде. К пьяному же лучше вообще не приближаться. Никто не обвинил бы его в гениальности, и ему нельзя было доверить планирование даже деятельности собственного кишечника, – но он был крепким, надежным, хорошо владел оружием и был просто одержим стремлением принести финансовое благополучие своим родным, оставшимся в Оклахоме.

– Томми хорошо поработал в Брейнерде, – сказал Джонни. – И в бегах с ним всегда было хорошо. Никогда не жаловался, никогда не скулил, никогда никаких глупостей вроде «почему я?». Он был настоящим профи. Томми был там, когда мы предавали земле Рыжего.

Рыжий Гамильтон также недавно отправился в мир иной, словив пулю на дорожном блокпосту, когда они с Джонни прорывались из Висконсина. Все они присутствовали на его похоронах; свои обязательства были и у этих людей, стоявших вне закона. Нельзя забывать товарища лишь потому, что он поймал простуду из-за пули. Нужно проводить его в последний путь подобающим образом, а если это невозможно, выпить за него пиво и сказать пару слов.

– Он был асом.

Это была лучшая эпитафия, на которую только мог рассчитывать Томми, и, разумеется, выдал ее Джонни, всегда умевший видеть общую картину.

Теперь что касается самого Леса. Он ненавидел свое погоняло Малыш, прилипшее к нему совершенно случайно и даже близко не соответствовавшее истине – он был гибкий, проворный, полностью созревший мужчина разумного роста, по меркам своего времени, и не имел никаких физических отклонений, оправдывающих это прозвище. Психологию вколотил ему вечно пьяный отец, колотивший много чего еще, в том числе мать Леса и его самого. В какой-то момент Лестер Гиллис из Западной стороны Чикаго, штат Иллинойс, с жутким акцентом «Города ветров»[14], превращавшим все его гласные в пронзительные крики гусей, отправляемых хвостом вперед в мясорубку, просто решил отомстить миру за свое детство, состоявшее в основном из того, что его нещадно лупили, что самого Леса особо не трогало, зато его трогало то, как у него на глазах нещадно лупили его мать. Хитрый, жестокий, не имеющий морального компаса за пределами своего ближайшего окружения, привязанный к своей горячей женушке и двум малышам, хотя и страдающий от своего взрывного характера и неспособности представить себе то, что его ранят и тем более убьют, выражающейся в безрассудстве, которое также можно было считать храбростью, он также был профессионал, честолюбивый, по-своему талантливый и преданный делу. Лес хотел стать великим грабителем банков.

Последним присутствующим был кореш Леса Джек Перкинс. Не гений, бледнеющий в окружении звездных талантов вокруг, но по крайней мере на него можно было положиться: он всегда делал то, что ему скажут, и с лица у него не сходила улыбка. От Джека требовалось только то, чтобы он знал свое место и не натыкался на мебель.

Все собрались в комнате в одной таверне, которая, как уверял Гомер, входила в большое дело, заправляемое итальянцами. То есть она являлась частью сети деяний и махинаций, сплошь противозаконных, сплошь неблаговидных, и посему можно было положиться на то, что она радушно предоставит приют, даст отдохнуть всевозможным беглецам, всевозможным будущим «торпедам» и даже настоящим «торпедам», направляющимся из Кливленда в Чикаго. Таверна находилась в двенадцати милях от Саут-Бенда, и все собрались здесь по настоянию Гомера, который в том, что касалось того, чтобы выследить, спланировать и провернуть дело, не шел ни в какое сравнение с Джимми Мюрреем.

Джимми был настоящий мастер; несколько лет назад он провернул в Техасе величайшее ограбление в истории, ставшее триумфом от начала и до конца. Деньги, деньги, деньги для всех, и ни одного убитого. И вот теперь Гомер мечтал о том, чтобы перейти в другую весовую категорию, стать организатором в духе Джимми Мюррея и как следствие хапать двойную долю.

---

[14] «Город ветров» – популярное прозвище Чикаго, для которого характерны сильные ветры с озера Мичиган.

– Зачем утка перешла через дорогу? – спросил он.

Ответа не было ни у кого. Перед каждым стояло пиво, за исключением Леса, который никогда не пил и всегда сохранял ясную голову. В воздухе клубился табачный дым, из бара доносилась музыка, приглушенная, ползающая по ритму. «Пусть это будет весна».

– Чтобы покрякать на противоположной стороне: «Кря, кря, кря!» – ответил сам на свой вопрос Гомер и взорвался хохотом.

Джонни рассмеялся, но смех его был фальшивым; рассмеялась и дешевая дамочка Гомера Микки Конфорти, демонстрируя лошадиный оскал. Рассмеялся и вечно вежливый Джек, но Чарли, кислый, словно коровья моча, проворчал:

– Кончай, черт побери, это не юмористический час на радио!

Это было единственное, в чем Чарли и Лес сходились во взглядах.

– Послушайте, хорошая шутка прогоняет тоску, – сказал Гомер.

Он мастерски владел «Винчестером» калибра.351, который носил в чехле для бильярдных киев. Теперь каким-то образом подцепил эту мерзкую, склочную шлюху, которая в пьяном состоянии оказывала сексуальные услуги всем и каждому…

– Ну хорошо, – продолжал Гомер. – Национальный торговый банк, отделение в Саут-Бенде, в двенадцати милях к северу отсюда, трах-бум-бах, самая настоящая богадельня, а мы – пять всадников Апокалипсиса, даже не четыре, так что не можем промахнуться. Маленькое чистое заведение, охранники – дилетанты, но туда стекаются все деньги, полученные фермерами Индианы за горох в стручках, кукурузу в початках и цыплят с красными клювами. К тому же каждую субботу в одиннадцать дня туда заглядывают два инспектора из соседнего почтового отделения с одним-двумя большими мешками деньжат, вырученных от продажи марок за целую неделю. Эти деньги за марки очень кстати!

– Какой урожай? – спросил Чарли.

– Пятизначная цифра запросто. Больше, чем в Брейнерде. Больше, чем в Су-Сити, хорошая добыча при минимальном риске, и деньги за марки на десерт. Все вы скажете мне спасибо, когда окажетесь в Майами и будете каждый день ходить на танцульки.

– Я не ходок по бабам, – огрызнулся Чарли. – Мне нужно заботиться о семье. На дворе Великая депрессия, в Оклахоме все сидят без работы – те, кого не унесло ветром…

– Ну да, конечно, – поспешно пошел на попятную Гомер. – Ну, денег ты получишь. В общем, я вижу это дело так: приехали-уехали на машине, разделяться не надо, поэтому не нужно будет уславливаться о месте встречи, все в одной машине. «Фараоны» в Саут-Бенде не подключены к радиосети никаким боком. Мистер Чарли, ты будешь дирижером, будешь заправлять всем спектаклем: у тебя громкий голос и внешность не только привлекательная, но и устрашающая.

– Никакой я не привлекательный, – проворчал угрюмый уроженец Оклахомы. Каким же он мог быть гадом!

– Ребята, вы все уже взрослые и имеете прозвища. Лес у нас Малыш, Джонни – Джонни Ди, а ты – Красавчик. И только я один просто «И другие». Так нечестно.

– Когда каждый американский «фараон» будет знать тебя в лицо, ты перестанешь так переживать по поводу прозвища, – заметил Чарли.

– У меня есть для тебя прозвище, – сказал Лес. – Ты мистер «Многословный болтун, больше ничего не говори».

– Лес, – вмешался Джонни, – успокойся. У тебя хорошо получается только грабить банки. Комедия – не твоя сильная сторона.

– Те федералы, которых я прогнал с дороги в Висконсине, пока вы дрожали в кустах, делая в штаны, нашли меня очень смешным.

– Так, ладно, мистер Джек, – сказал Гомер, стремясь вернуться к повестке дня, – я знаю, что ты в нашем ремесле новичок, поэтому ты у нас ранняя пташка. Ты просто приходишь

на место и убеждаешься в том, что «фараонов» поблизости нет и что почтовые работники принесли деньги за марки, и если все чисто, ты подаешь нам знак, мы ставим машину, выходим и делаем дело. Джек, ты просто торчишь снаружи как часовой. Мы выходим, и ровно через три минуты нас нет, пока «фараоны» торчат в закусочной, обсуждая футбол.

– Так просто никогда не бывает, – возразил Лес. – И ты, Джонни, это прекрасно знаешь. Нужно подготовить запасной план, договориться о месте встречи, предусмотреть пути подхода и отхода и всю прочую дребедень. Нельзя просто завалиться в банк и так же спокойно выйти. Джимми Мюррей всегда…

– Это твой нос или ты ешь банан? – перебил его Гомер. – Джимми здесь нет, если ты этого еще не заметил.

– О, заметил, когда почувствовал, как ветерок задувает тебе в левое ухо и выходит через правое, – сказал, заводясь, Лес.

Он заводился слишком легко, слишком быстро и сам прекрасно это понимал. Это всегда создавало проблемы. Его просто уносило в океан ярости, и все остальное переставало иметь значение. В такие моменты образумить его могла одна лишь Хелен.

– Что сказала Хелен, заглянув в коробку с сухим завтраком? «О, смотрите, семечки от булочек!»

– Ты идиот! – сказал Лес. – Джонни, ты хочешь, чтобы этот клоун заказывал игру? У него в голове один нафталин, и я боюсь, что меня стошнит от одного лишь вида его шлюхи. Эй, Микки, ты меня слышишь?

– Милый, как ты позволяешь ему так говорить со мной?

Но Лес мог себе это позволить. Хоть и среднего роста, он не был слабаком и не боялся драки. Тот, кто повздорил с ним, – и неважно, каким был исход стычки, – наживал себе смертельного врага.

– Послушай, мелкий, оставь Микки в покое, кря-кря. У тебя нет причин злиться на нее.

– У целой армии ее поклонников нет причин злиться на нее. Все хорошо помнят ту ночь…

– Так, Лес, – вмешался Джонни, – оставь девчонку в покое! Она тут ни при чем.

– Да, отправляйся домой к своей женушке, – добавил Гомер, – но не забудь захватить с собой кота, чтобы тот унюхал провонявшую рыбу!

Через мгновение чьи-то руки уже отрывали Леса от Гомера, у которого лицо и щека распухли от его ударов, одного сильного, одного вскользь. Сам Лес не помнил, как вихрем обежал вокруг стола и выбросил кулаки, а затем и себя самого на этого нахала. Они повалились на пол, опрокидывая стулья и проливая пиво, под пронзительные вопли девицы. Чарли брюзжал, Джек пятился назад, а Джонни каким-то образом удалось их разнять.

– Приберегите это для Отдела расследований, – сказал Джонни. – Черт возьми, Лес, успокойся. Гомер не имел в виду ничего плохого, ему просто нравится время от времени шутить.

– Впредь никогда ничего не говори про мою Хелен! – пригрозил Лес. Прозвучавшая в его голосе ярость расплавила бы камень.

– Ну хорошо, хорошо, – пробормотал Гомер. – Я никого не хотел обидеть. Это была просто шутка, я веселый человек – ха-ха, кря-кря, вот я какой. Мне жалко Томми, мне жалко Рыжего, но нам нужно возвращаться к работе, и у меня есть хорошее дело. Не нужно кипятиться. Я не виноват в том, что когда ты взял ее с собой на крышу Эмпайр-стейт-билдинг, налетели самолеты.

– Гомер, и ты тоже уймись. Я даже не знаю, что хуже – твои тупые шутки или взрывной характер Леса.

Но Лес в этот момент решил, что непременно убьет Гомера. Всадит ему в брюхо жирную пулю калибра.45 и будет смотреть, как тот истекает кровью в сточной канаве. Гомер будет звать маму, будет умолять, чтобы к нему привели священника или врача, будет просить у Леса

прощения, уверять его в том, что он не хотел обидеть Хелен, но Лес будет просто хладнокровно смотреть, как жизнь вместе с кровью покидает его, растекаясь по земле красными ручейками.

Так что когда Джонни вернул всех за стол, крикнул Винсу, чтобы тот принес еще пива и кока-колы для Леса и вернул собранию хоть какое-то подобие порядка, это была совсем не та победа, какой он ее считал. Просто как только Лес вынес Гомеру смертный приговор, его тотчас же захлестнуло абсолютное спокойствие. Ему сразу же стало хорошо. Никакой ярости, никакого жжения в груди, а только радующий глаз образ Гомера, плавающего в луже крови в какой-то грязной подворотне, продуваемой всеми ветрами. Вот так с ним бывало всегда: быстро вспыхнуть и быстро погаснуть.

– Ну хорошо, – сказал Гомер, – я постараюсь еще что-нибудь разнюхать. Пожалуй, Лес прав, и нам нужно собрать побольше данных, перед тем как сделать скачок. Мы вернемся сюда, разделим улов и разбежимся в разные стороны до тех пор, пока нам не нужно будет снова наполнить свои карманы. Но это значит, что дело придется отложить на неделю, может быть, на две. Я полагаю, тридцатое июня. Встречаемся здесь двадцать восьмого июня, двадцать девятого я объясняю вам, что к чему, и тридцатого мы выходим. Все согласны?

– Мне бы очень хотелось, чтобы все прошло абсолютно гладко, – сказал Джонни. – Эти козлы из Отдела полагают, что после Висконсина мы в бегах, испугались, разбежались, забрались под одеяло… Я хочу провернуть чистое, красивое, крупное дело, просто чтобы показать этим ублюдкам такую-то мать.

– Послушай, я не хочу никому ничего показывать, – сказал Лес. – Я просто хочу пришлепнуть нескольких кретинов – вот лучший способ показать им, кто мы такие.

– Кря, кря, – согласился Гомер.

* * *

Лес проехал к летнему лагерю «Счастливый верзила», расположенному в семнадцати милях, поставил машину перед маленьким бревенчатым домиком под номером четырнадцать и увидел двух своих малышей, играющих перед крыльцом. Эта картина неизменно наполняла его ни с чем не сравнимым блаженством. Дети! Его дети! Это он сотворил их, они с Хелен, и дети вырастут и станут гораздо лучше своего старика!

– Как поживают мои маленькие ковбои? Папа вас так любит!

Схватив Дарлену, Лес вскинул ее в воздух так, что дочкины ножки стали параллельны земле, и закружил ее. Девочка завизжала от восторга.

– И меня, папа, и меня! – воскликнул сын Ронни. – Папа, пожалуйста, и меня!

Лес опустил дочку на землю, и та, счастливая, немного оглушенная полетом, плюхнулась на траву. Взяв на руки Ронни, Лес проделал с ним то же самое. Мальчик кружился в воздухе, благодаря своему отцу бросая вызов земному притяжению и притворно вереща от страха.

– Мы кружимся и кружимся, – крикнул Лес, – и никто не знает, где мы остановимся!

Наконец он замедлил вращение и остановился, отпуская Ронни, и мальчик, заливаясь смехом, упал на землю.

Лес уселся на подножку своей машины, угнанного «Гудзона» с номерами от другой угнанной машины.

– Ого! – сказал он. – Ну и вымотали же вы меня, ребята! Я слишком стар для подобных штучек. Подыщите себе кого-нибудь таких же размеров, как вы сами.

– Папа, папа, давай завтра поедем в зоопарк!

– Гм, – задумчиво промолвил Лес, – возможно. – Он подумал, что Индианаполис, пожалуй, не так уж и далеко и там наверняка есть хороший зоопарк. – Если не завтра, то послезавтра. Все зависит от того, куда мы поедем.

– Я хочу посмотреть на львов, – сказала Дарлена.

– Ррр-рррррррр! – прорычал Ронни, оскалившись и превратив свои ручонки в лапы.

– Рррр-рррррррр! – повторил Лес. – Да, именно так говорят львы, совершенно верно. К ним лучше не приближаться, это я вам точно говорю.

Из домика вышла Хелен. Это была привлекательная молодая женщина, по-чикагски приветливая, голубоглазая и опрятная, и, что лучше всего, крепкая. В ней было все, чего только мог пожелать Лес. Его тошнило от шлюх, подружек его приятелей. Ну что можно получить от них, кроме разве что сиюминутного удовольствия? С Хелен же у него получалось всегда, когда он этого хотел, и неизменно хорошо; и быть с нею рядом, заботиться о малышах – это так здорово! Больше Лесу ничего не было нужно. Ну кто может хотеть чего-то еще; например, играть в казино или на скачках – глупо; или каждый вечер ходить по злачным местам – глупо!

И, что лучше всего, Хелен была верной и преданной. Ее взяли в «Маленькой Богемии», и она целую неделю провела гостем штата Висконсин, но ничего не сказала, даже когда ребята из Отдела хорошенько на нее надавили. Хелен замкнулась, и никакие угрозы на нее не подействовали. При желании она могла вести себя как упрямый мул.

– Привет, милая. Тебя совсем замучили? – спросил Лес.

– Есть немного, но ничего такого, с чем я не смогла бы справиться.

– Что сегодня на ужин?

– Я купила кусок отличной ветчины, картошку и свежие зеленые бобы. На десерт – пирог с ананасом.

Ну кто может просить большего, особенно если учесть, что повсюду люди голодают или кое-как живут на пособие…

– Жду не дождусь. – И это была правда. Лес почувствовал, что умирает от голода. Все звучало так аппетитно…

– Как все прошло?

– О, сама знаешь. Джонни – отличный парень, с ним всё в порядке, и остальные тоже ничего. Но вот этот проклятый Гомер – не могу выносить ни его, ни его подружку. Я ей ни-сколечки не верю. Она выболтает все при первой же возможности. – Лес мысленно быстро сравнил стерву Микки Конфорти и преданную, добрую, обходительную, ласковую Хелен. Определенно, он выиграл главный приз!

– На этот раз ничего опасного? Ты говорил, что работа будет простая.

– Я говорил, что она *должна* будет быть простой. В таких вещах ничего нельзя обещать заранее. Посмотри, как все получилось у бедняги Томми. Только что он был счастлив, словно свинья в хлеву, – и вот по милости каких-то двух болванов из Айовы его уже катят на тележке в преисподнюю. Не буду лгать тебе, дорогая, никогда тебе не лгал и никогда не буду. Игра может быть очень опасной. Но еще не родился тот, кто сможет меня завалить. Я вернусь живой и невредимый, и этих денег нам хватит на целый год; мы переберемся куда-нибудь в приличное место и отдадим детей в хорошую школу.

– О, Лес, это будет просто замечательно!

– Кря, кря, – сказал Лес, потому что он был бесконечно счастлив.

Глава 09

Блю-Ай, штат Арканзас
Наши дни

В Блю-Ай мало что осталось от Чарльза. Здесь и от Эрла-то мало что осталось. На самом деле в Блю-Ай мало что осталось от Блю-Ай.

Боб приказал себе не высказываться вслух о переменах. Иначе день мог превратиться в мучительное испытание. «Помнишь, здесь когда-то стоял магазинчик Никерсона, а теперь тут прачечная самообслуживания. О, а вон там, там был супермаркет “Уинн-Дикси” – по крайней мере, до тех пор, пока мистер Сэм не построился рядом с автострадой и не закрыл его. А ресторана Фреда, где от четырех до шести часов утра каждый день завтракали все фермеры, давно уже нет. Теперь там какой-то “Соник”… Черт возьми, а что такое “Соник”?»

Нет, он не станет так себя вести. Боб просто бесчувственно взирал на неотвратимую действительность. Маленький городок, в котором когда-то порядок обеспечивал шериф по имени Энди Гриффит, по большей части вымер и пришел в запустение, и единственная жизнь теплилась в ресторанах быстрого обслуживания вдоль магистрали. Боб рассудил, что теперь Блю-Ай мало чем отличался от Каскейда, штат Айдахо, такой же крохотной точки на карте рядом с автострадой, которую он называл своим домом.

Однако городок умер не совсем. Энди Винсент, внук Сэма и племянник Джейка, заведовал страховым агентством «Оллстейт», и дела у него шли достаточно неплохо, чтобы он мог позволить себе завести ватагу ребятишек, называвших Свэггера мистером Бобом. Его репутация открывала в Блю-Ай все двери – потому что он также занимал должность мэра.

Например, когда они пришли в редакцию «Блю-Ай Стар-Кларион», несмотря на то что теперь газета принадлежала информационному холдингу со штаб-квартирой за пределами штата, секретарша сходила и позвала управляющего редактора, встретившего их очень любезно, и когда они объяснили, зачем пришли, тот сказал, что старых подшивок – тогда это был просто «Кларион», «Демократический голос Западного Арканзаса» – больше нет, номера существуют только на микрофильмах, но к ним можно получить доступ в библиотеке, и управляющий редактор обещал позвонить туда и предупредить, чтобы Боба встретили как надо, а не спихнули на какого-нибудь семнадцатилетнего стажера.

– Вы очень любезны, – сказал Боб. – Я вам крайне признателен.

– Вы вернулись сюда не случайно? – спросил газетчик. – Кажется, вы уже давненько не появлялись здесь.

И действительно, с момента последнего приезда Боба в Блю-Ай прошло уже много времени.

– Да как вам сказать, сэр… Это чисто семейное дело, только и всего. Мой дед. Я вдруг понял, что ничего о нем не знаю, и решил, что пора уже что-нибудь раскопать.

– Понял, – сказал журналист. – Путешествие в свое прошлое… Значит, это сугубо лично, и вам не будут мешать.

В библиотеке милая молодая дама проводила Боба к устройству для чтения микрофильмов, и тому потребовалось какое-то время, чтобы освоиться с зеркальными манипуляциями, необходимыми для перемещения страниц в увеличителе, но он довольно быстро сообразил, что к чему.

– Мы перешли на микрофильмы незадолго до того, как открылась кибервселенная, – объяснила мисс Дэниелс, некрасивая дурнушка, но бесконечно дружелюбная и готовая помочь, как это бывает в маленьких городах. Благослови, Господи, ее душу. – Наверное, мы восторгались тем, как у нас все современно. Но наше нововведение устарело через пару недель после того, как мы его установили.

– Мисс Дэниелс, я до сих пор воспринимаю водопровод в доме как чудо, так что по моим меркам это просто замечательно. К тому же я ненавижу компьютеры. Зато лево от права отличу, так что все будет хорошо.

Мэр Энди удалился продавать страховой полис, проводить заседание совета или еще по каким-либо делам, оставив Боба наедине со страницами «Клариона» за 1934 год, с января по декабрь.

Это было так давно… Тогда все было другим, но в то же время таким же. Автомобили являлись дикими зверями, но в их потугах к совершенству уже просматривались очертания того, что со временем трансформировалось в современные чудеса на колесах. Почти все они были черные или темно-серые, в крайнем случае синие или зеленые. Мужчины в те дни ходили в костюмах при галстуке и в шляпах, везде, постоянно, частенько еще и с жилетами, всегда с сигаретами, трубками или сигарами. Трубки! Боб уже много лет не видел трубку. Никаких темных очков. Галстук туго затянут, кроме как на стадионе. Шляпы по большей части были фетровыми, и в тот год мода требовала, чтобы поля понижались по кругу, никаких щегольски задранных вверх краев сзади, похожих на утиную задницу. Кое-кто залихватски носил шляпу набекрень, но большинство просто нахлобучивали их на лоб, защищаясь от солнца или снега, и забывали об их существовании. Никакой «спортивной одежды»; повседневной одеждой считались просто брюки от прошлогоднего костюма и стоптанные, поношенные рабочие башмаки. Женщины все до одной носили чулки и корсеты (предположил Боб) и почти всегда были в шляпках – обыкновенно маленьких сооружениях с перьями, аккуратно угнездившихся в их тщательно ухоженных волосах. Нередко шляпки были с вуалькой, а платья были с накладными плечами, из пестрой ткани, с талией узкой, но не утянутой до осиных размеров. Никто не пытался выглядеть сексуальным; это предоставлялось одним лишь кинозвездам. И у женщин был такой вид, будто пол у себя дома они мыли также в туфлях на высоком каблуке и украшениях. И еще: никаких босых ножек. Босые ножки были табу. Не говоря про пальцы на ногах: ни одного нельзя было увидеть на страницах «Клариона» начиная с 1 января 1934 года и по 31 декабря того же года. Фермеры носили широкие панталоны и клетчатые рубашки с расстегнутым воротником, но те же самые фетровые шляпы. Изредка на страницах встречались соломенные шляпы, выделявшиеся, подобно сверкающим монеткам, в этой вселенной серых и черных точек, какими в ту эпоху печатались фотографии. Много снимков поездов, господствующего средства передвижения, и многие торжественные события, похоже, происходили на вокзале, перед огромными паровозами, извергающими пар и масло из десятка отверстий. Никаких самолетов, за исключением публикуемых время от времени Министерством обороны снимков «нашего нового истребителя», биплана с прозрачным пластмассовым козырьком перед кабиной и длинной трубкой оптического прицела вдоль фюзеляжа, с помощью которого летчик мог превратиться в снайпера и поймать в перекрестье – кого? гунна? япошку? красного? Никто даже представить себе не мог ураган насилия, маячивший всего в нескольких годах впереди, которому суждено было поглотить многих из этих счастливых, довольных людей в галстуках и корсетах.

Время от времени можно было увидеть личность, известную как «Шериф», хотя он частенько терялся на заднем плане фотографий и обыкновенно в момент съемки отворачивался от объектива камеры. Кто был этот человек? Его звезда неизменно в фокусе; его лицо всегда размыто. Он что-то скрывал? Казалось, было в нем нечто такое, что он не хотел никому показывать.

ШЕРИФ АРЕСТОВАЛ ДВУХ ЧЕЛОВЕК С НЕЛЕГАЛЬНЫМ САМОГОННЫМ АППАРАТОМ

ШЕРИФ БОРЕТСЯ С НАРУШИТЕЛЯМИ СКОРОСТНОГО РЕЖИМА

ШЕРИФ ГОВОРИТ «НЕТ» РАБОЧИМ-МИГРАНТАМ

«УРОВЕНЬ ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СНИЖАЕТСЯ», – ЗАЯВИЛ ШЕРИФ

ШЕРИФ И ЕГО ПОМОЩНИКИ ПОБЕЖДАЮТ НА ПЕРВЕНСТВЕ ШТАТА ПО СТРЕЛЬБЕ

ШЕРИФ ЗАДЕРЖАЛ ПРЕСТУПНИКА, ОГРАБИВШЕГО ЗАПРАВОЧНУЮ СТАНЦИЮ

Он был повсюду, и в то же время его не было нигде – неясное пятно, призрак, олицетворение нравственной добродетели. Боб пытался рассмотреть его, максимально увеличивал разрешение устройства для просмотра микрофильмов, однако в определенный момент изображение распадалось на отдельные точки и можно было видеть лишь эти точки.

Кто ты такой, Чарльз Свэггер? Каковы твои поступки, круг твоего познания, твоя цель, твоя страсть? Для героя ты слишком размытый, нечеткий, смазанный. Ты никогда не сидишь неподвижно на одном месте, и никто не может тебя ухватить. Что ты прячешь?

Бобу пришла мысль отметить все упоминания о своем деде в «Кларион», и он вернулся в самое начало и стал дотошно изучать каждую страницу каждого номера, день за днем, месяц за месяцем, на протяжении всего года.

– Усердно трудишься? – спросил Энди Винсент, вернувшись ближе к вечеру после своих дел.

– Пытаюсь взять в толк, чем занимался дед в тот год, – сказал Боб.

– Что-нибудь выяснил?

– Ну… да. Он в газете сфотографирован или на месте чрезвычайного происшествия, или на месте преступления, или на какой-нибудь глупой церемонии, примерно три раза в неделю, с января по июнь. Именно это и можно ждать от шерифа маленького городка, входящего в администрацию, избранного по партийному билету, принадлежащего истеблишменту, если можно так сказать. Но затем где-то с середины июня он таинственным образом исчезает. Никаких объявлений, никаких обсуждений, никаких упоминаний о болезни или чем там еще – просто бесследно пропал. Главным лицом правоохранительных органов становится какой-то помощник шерифа по имени Сайрел Джадд. «Как заявил помощник шерифа Сайрел Джадд…» – в газете такое можно увидеть раз сто. Однако потом, в декабре, Чарльз возвращается как ни в чем не бывало. «Шериф Свэггер сегодня доложил, что за финансовый год в округе собрано штрафов за превышение скорости на общую сумму 900 долларов», и так далее, и так далее. Он просто отправился неизвестно куда, сделал свое дело и вернулся обратно – и никто не строил никаких догадок. Если его и хватились, до официального уровня это так и не дошло, и в «Кларион» осталось без внимания. Полагаю, судья Тайн, в те дни главный босс в о́круге, говорил газете, что можно печатать, а что нет. Никаких надуманных объяснений – просто соглашение между двумя взрослыми мужчинами.

– Эх, если б я мог сегодня говорить газетам, что печатать, а что нет… – Энди вздохнул.

– Определенно, в те дни все обстояло иначе, – согласился Боб.

* * *

И, наконец, могила.

– Ты хочешь остаться один? – спросил Энди.

По кладбищу гулял ветерок. Здесь были похоронены ветераны боевых действий, и можно было выжать одну-две слезинки, глядя на длинные ряды белых надгробий, уходящих до самого гребня холма, на фоне зелени травы, тут и там вздыбившейся плюмажем дерева или куста. Но Боб приказал своим чувствам отключиться, поскольку он находился здесь по делу, не имевшему никакого отношения к молодым парням, убитым еще до того, как они успели трахнуться,

ради жестокого стервеца, которого умудренные сморщенные старики вырядили под лживым именем Долг, чтобы молодежь послушно шла на смерть и не жаловалась. Боб оплакивал их аж с 1974 года, с тех пор как вышел из комы в военно-морском госпитале Сьюбик-Бэй.

– Нет, – сказал он. – У меня нет к старику никаких чувств, и вряд ли какие-нибудь появятся. Это просто в своем роде обязательство.

– Долг? – спросил Энди.

– Точно, – согласился Боб.

Они прошли по тропинке через каменный сад и наконец оказались у места, числившегося за Чарльзом Свэггером.

– Похоже, как городская знаменитость он удостоился не просто камня.

– Можно считать, что он добился успеха в жизни?

– Полагаю, в том смысле, в каком это подразумевалось в то время, – сказал Энди.

И все-таки это был не слишком впечатляющий памятник человеку, прожившему жизнь, герою войны, послужившему обществу, как утверждалось в официальных архивах.

– Боб, папа похоронен недалеко; я, пожалуй, схожу его навестить, раз уж я здесь.

– Твой отец заслуживает того, чтобы его навестили, – согласился тот.

Энди удалился.

Свэггер остался наедине с мраморной глыбой, украшенной шестиконечной звездой сотрудника правоохранительных органов.

Чарльз Ф. Свэггер
майор Американского экспедиционного корпуса
шериф города
Долг на первом месте

«Что касается последней строчки, – подумал Боб, – может, да, а может, нет. Мы определенно постараемся это выяснить».

Но здесь для него было другое откровение, отозвавшееся эхом. Его дед был офицером. В короткой войне он успел дослужиться до майора. Что было странно, не потому, что Боб ставил под сомнение профессиональные качества своего деда и его умение вести людей за собой, а потому, что собственный отец упорно оставался сержантом, что, казалось, было заложено в мужчинах рода Свэггеров на генетическом уровне, поскольку и сам Боб, несмотря на настойчивые предложения, а в некоторых случаях и уговоры, также предпочел остаться сержантом, как и его сын Рей, который, хоть и воспитанный не Свэггерами, а приемными родителями-филиппинцами, тоже пошел по пути снайперов и тоже остался сержантом, несмотря на щедрые посулы, – а Рей умен, очень умен, поумнее многих генералов.

Боб попытался это осмыслить. Как такое произошло? Одно возможное объяснение заключалось в сверхъестественном таланте меткой стрельбы, присущем Свэггерам, значительно превосходящем нормальный уровень и крайне редком. Почти все мужчины Свэггеры были стрелками. Этот дар особенно выделял их на войне и в перестрелках в мирное время, но, сознавая свой талант и гордясь им, они искали пути использовать его максимально продуктивно. Отсюда – снайперы, уничтожающие пулеметные расчеты, и полицейские, патрулирующие дороги и охотящиеся на гангстеров. Поэтому настоящий Свэггер предпочел бы оставаться поближе к оружию, а офицерский чин оторвал бы его от этого оружия, превратив из человека, которым он был, в человека, которым ему нужно было притворяться.

Но другой причиной могло быть то, что Эрл старательно дистанцировался от Чарльза. Если его отец поднялся выше своих талантов стрелка и стал офицером, сам он этого не сделает. Эрл провозглашал себя другим. «Я не буду таким, как мой отец», – заявлял он. И отсюда динамика Боба, спустя поколение, определенная смертью человека, которого он до сих пор почитал величайшим на земле: «Я *буду* таким, как мой отец».

Это вернуло Боба обратно к Чарльзу Ф. Свэггеру, гниющему в могиле под разваливающейся глыбой мрамора, которого никто не навещает, никто не помнит, которого, возможно, никто не любил. Но он умер с репутацией человека, свято выполнявшего свой Долг, следовательно, он – когда-то, где-то, как-то – произвел на кого-то впечатление.

У Боба зажужжал телефон, и – рассчитывать на это никогда нельзя – он услышал звонок. Взглянув на экран, увидел, что звонит Ник Мемфис из Вирджинии.

– Ник, это ты?

– Как делишки, док?

– Ноги у меня касаются земли раньше носа, так что это хороший знак.

– Очень многообещающе. Послушай, у меня кое-что есть. Отправить по почте я это не могу, но из старых архивов определенно следует, что твой дед работал в Бюро. А затем – э… как бы получше выразиться? – ушел из Бюро. Довольно внезапно, довольно драматично.

– Готов поспорить, он был дерьмом на колесах, – сказал Боб.

– На колесах? – Ник усмехнулся. – Пожалуй, твой дед стал первым дерьмом, преодолевшим звуковой барьер!

Глава 10

Банкерс-билдинг, 19-й этаж
Чикаго
Июнь 1934 года

– Послушай, Холлис, – сказал Чарльз. – Я знаю, что после «Маленькой Богемии» ты во всех черных списках. Но это случилось до меня, так что меня это не касается. Ты вкалываешь усердно, играешь по правилам, даешь мне честную двухдневную работу за каждый календарный день – и, по моим меркам, ты в полном порядке.

– Да, сэр, – сказал Холлис, прилежный тощий паренек из Айовы, окончивший юридический колледж.

– И я не буду ставить тебе в вину твое образование, справедливо? Здесь слишком много образованных дураков, а вот шерифов и полицейских недостаточно.

– Да, сэр.

Холлис вкалывал усердно; и пусть именно с его слов у оперативников родилось прозвище для Чарльза – разумеется, «Шериф».

Молодежь его просто обожала. В воздухе витали слухи о его победах. Кто-то раскопал отчет о знаменитой перестрелке 1923 года в отделении банка в Блю-Ай с его участием; кто-то, задействовав связи, получил доступ к его личному делу в Министерстве обороны и узнал, что он не только прослужил восемнадцать месяцев в нашей армии и вышел в отставку майором, отмеченным многими боевыми наградами, но до этого провел два года в окопах в рядах канадской армии и, помимо полной груди медалей, заслужил офицерский чин. Внезапно Чарльз стал королем-воином, каким, как прекрасно сознавали все эти молодые ребята, им никогда не стать. И то, что он не заигрывал с ними, притягивало их к нему еще сильнее. А то, что Чарльз не признавал свою репутацию, не обращал на нее никакого внимания и никогда сам не упоминал о ней, лишь делало его еще более загадочным, как и его суровая внешность, неизменный костюм-тройка, надвинутая на лоб фетровая шляпа с опущенными полями и новенький «Кольт» калибра.45 в кобуре под мышкой, в то время как все остальные предпочли более легкое оружие 38-го калибра, обладающее меньшей отдачей.

– Если калибр начинается не с четверки, оружие меня не интересует, – заявил Чарльз, выбирая себе табельный пистолет (эта фраза частенько цитировалась в отделении); и выбрал его он, покрутив в руках все, проверив плавность хода спускового крючка, подгонку затвора к рамке, а также не поддающееся описанию нечто, что он назвал «чувством» – ну как такая изготовленная на станке деталь, как рамка пистолета, может обладать чувством, гадала молодежь, – все эти неосознанные мелочи придали ему статус, к которому он не стремился и которому не был рад.

Первоочередное дело в повестке дня: меморандум для Первиса, копия для Коули, по поводу огневой подготовки сотрудников правоохранительных органов, в котором настойчиво предлагался отказ от традиционных занятий в закрытом тире в пользу более гибкой модели, делающей упор на постоянное перемещение между мишенями, стрельбу в движении, с различных углов и из разных положений, стрельбу навскидку наперегонки со временем, выбор калибра (опять же знаменитая «четверка», 45-й для «Кольта», 44-й специальный и 45-й длинный), упражнения по перезаряжанию и чистке (обязательно!), имитационная стрельба, имитационная стрельба и еще раз имитационная стрельба, а также базовые навыки ухода за оружием, не для серьезного ремонта в мастерской, а для исправления мелких неполадок в полевых условиях. Чарльз проповедовал абсолютную гибкость – другими словами, моделировал реальную перестрелку с участием реальных стрелков. Далее следовал вопрос прицельной стрельбы, в которую он свято верил, вопреки священной заповеди Отдела, требующей

«стрельбы навскидку»: агент приседал, подавался вперед, вытягивал руку с пистолетом вперед и вниз, после чего вскидывал ее. Руководство Отдела полагалось на то, что мышечная память наведет пистолет на цель, и Чарльз соглашался с тем, что у некоторых людей мышечная память лучше, чем у остальных – у него самого она была отменная, – однако глаза, чтобы совместить мушку с прорезью прицела, есть у всех.

Первис принял этот документ с воодушевлением, похвалил его и вывесил копию на информационном стенде. Документ был переправлен в Вашингтон, где с ним подробно ознакомились по крайней мере два человека, а возможно, даже и три, однако ни один из них не был директором, поэтому предприятие было обречено с самого начала.

Затем Чарльз провел целую субботу в оружейной комнате вместе с Холлисом, изучая табельное оружие сотрудников, ища следы износа, плохого ухода, погнутые и поврежденные мушки и прицелы, незатянутые винты, заусенцы, избыточную или недостаточную смазку. Он показал Холлису, как разбирать все модели пистолетов, и нашел в нем прилежного ученика, обладающего некоторыми способностями механика, а после того как молодой агент преодолел робость перед сложными механизмами, он стал запросто справляться с незамысловатыми, словно старые ходики, внутренностями револьвера «Кольт» калибра.38.

Чарльз работал также и с длинноствольным оружием. Он быстро установил, почему именно молодой Холлис был ключевой фигурой во время стычки в «Маленькой Богемии». Судя по всему, он от природы «чувствовал» «Томпсон» и, несомненно, проведя с ним много времени, уже умел разбирать его, целиться из него, правильно выбирать положение для стрельбы, а также быстро перезаряжать его, что в бою является очень важным фактором. Чарльз предположил, что Холлис неплохо стреляет из «Томпсона». Посему Клегг поставил его на острие атаки, несмотря на то, что ему прежде не доводилось бывать в перестрелке, и поэтому именно Холлис вынужден был в кромешной темноте принимать за полсекунды решение, открывать ли огонь по троим неизвестным, садящимся в машину. Голова у него была забита всякой чушью о важности операции, о том, какое зло представляют собой бандиты, об одном шансе на миллион проявить себя перед остальными агентами, – так какой еще он мог сделать выбор, кроме как открыть огонь? Холлис выстрелил, все пошло наперекосяк, и, учитывая природу большой организации, то, что покатилось вниз по склону, покатилось на Холлиса, в то время как Первис и Клегг отошли от катящегося потока подальше, хотя брызги долетели и до них. Однако во всем этом никто, похоже, не обратил внимания на то, что один только Холлис поразил свои цели, пусть и не те, которые нужно, в то время как все остальные палили, словно одержимые, по зданию и домикам, но не добились ничего, кроме множества пулевых отверстий, на которые будут таращиться туристы ближайшую сотню лет.

Вопрос стрельбища встал рано, поскольку его настойчиво поднимал Чарльз. Единственный в городе тир находился в подвале нового здания центрального управления чикагской полиции, на Южной Стейт-стрит, дом 11, всего в нескольких кварталах, однако получить к нему доступ было каверзной политической проблемой. Сотрудники чикагской полиции занимались в нем каждую пятую неделю, с утра до вечера, проходя огневую подготовку. Все остальное время тир был формально открыт для добровольных занятий сотрудников всех местных и федеральных правоохранительных органов, хотя мало кто пользовался этой возможностью. Однако это не помешало заведующему тиром сержанту О'Мэлли возомнить себя полновластным правителем и превратить тир в некое подобие клуба для ребят из графства Корк[15], которые заглядывали туда, чтобы потрепаться, поиграть в карты, послоняться без дела и посплетничать, но в целом тир использовался не по назначению, а только как место для встреч.

– Так обстоят дела в Чикаго, – объяснил Первис. – Те, кто чем-то владеет, не желают ни с кем этим делиться. Те, у кого ничего нет, вынуждены с этим мириться. Точнее: хозяева

15 Здесь имеются в виду выходцы из Ирландии (Корк – город и графство в Ирландии).

ирландцы, остальным не на что рассчитывать. Все карты на руках у О'Мэлли, потому что он знает, что мы здесь новички, он нас еще не распробовал и не знает, задержимся мы здесь надолго или просто пошипим и испаримся, как масло на сковородке. Я мог бы писать одно за другим письма комиссару Оллману, но все они затеряются бесследно, а если буду жаловаться, меня никто не услышит. Ситуация непростая. И позвольте мне высказаться откровенно, шериф: чтобы чего-либо добиться, мне нужно много смазки, а после «Маленькой Богемии» смазки у меня нет. Уверен, Сэм Коули скажет вам то же самое.

– Я не из тех, кто ходит от одного начальника к другому, – сказал Чарльз, вызвав улыбку у Первиса. – Вы не возражаете, если я сам тряхну этого О'Мэлли? Неофициально?

– Не знаю, что вы задумали, шериф, и не хочу это знать. Но делайте, что считаете нужным. Только не попадитесь на этом.

И Чарльз присмотрелся, после чего как-то вечером заявился один-одинешенек с двумя коробками патронов в карманах пиджака. В Чикаго стоял погожий летний день, со стороны озера дул освежающий ветерок, и дорога привела Чарльза прямиком на Стейт-стрит, мимо больших универсальных магазинов, под проносящимися с ревом поездами на эстакадах, образующих южную оконечность «Петли», мимо нескольких покосившихся строений и, наконец, к новому зданию, похожему на поставленный на торец кирпич. Тринадцать этажей незыблемых моральных устоев, с обманчивой лепниной на первых двух этажах, призванной скрыть угрюмую утилитарность этого заведения. Войдя в вестибюль, Чарльз спустился на лифте на один этаж.

Здесь ничего нового. Просто тир за регистрационной стойкой, приглушенные звуки выстрелов, отражающиеся от толстых стен. Чарльз предъявил свой значок, ему выделили место, он заткнул уши ватой – так иногда поступали и другие, но это было необязательно, – и шагнул в привычный сырой бетонный полумрак, наполненный запахом порохового дыма, с россыпью стреляных гильз на полу и длинным коридором с кабинками. Зашел в выделенную ему кабинку, взял мишень и откатил ее на дистанцию двадцать пять ярдов, предел тира. Положив пистолет на столик, достал три снаряженных магазина, которые носил на ремне, и положил перед собой две коробки стандартных патронов. Мишень представляла собой один из тех абсурдных силуэтов, когда человек просто стоит перед тобой, весь черный, чтобы было лучше видно в тусклом освещении тира, в неестественной позе, словно просящей: «Пожалуйста, убей меня». Она не имела ничего общего с реальной перестрелкой.

Чарльз впервые имел дело с новым «Кольтом», за который расписался в арсенале. Пистолет был похож на все остальные «Кольты», из которых ему приходилось стрелять. Всё на месте, всё затянуто, никакого люфта затвора, как иногда бывает; тусклый блеск металла. Чарльз стрелял, держа пистолет в одной руке, развернувшись к мишени под прямым углом, поскольку это было общепринятое полицейское правило, а он не хотел показухи.

Вскоре он разорвал в клочья черный центр силуэта. Пистолет стрелял достаточно неплохо, но Чарльз хотел, как только у него появится время, поработать с ним напильником, потому что ему были известны все маленькие штучки, которые можно применить к геометрии мистера Браунинга внутри рамки и превратить хороший пистолет в великолепный. Оставив во второй коробке двадцать девять патронов, Чарльз аккуратно вставил по семь патронов в три запасных магазина и в тот, который шел с пистолетом. Этот он вставил в пистолет, дослал патрон в патронник, поставил оружие на предохранитель, достал магазин и вставил в него последний оставшийся патрон, после чего вставил магазин в пистолет – восемь зарядов для боевого применения, когда один лишний выстрел может решить исход дела. Засунув снаряженный и готовый к стрельбе пистолет в украшенную затейливой резьбой кобуру под левой мышкой, Чарльз обернулся и увидел, что его стрельба собрала зрителей. Не меньше десяти полицейских стояли в стороне, несомненно, потрясенные меткой стрельбой, что крайне редко можно было увидеть здесь.

– Всего хорошего, – сказал Чарльз и, кивнув, направился к выходу. Толпа расступилась, пропуская его.

На выходе дежурный сказал Чарльзу, что его хотел бы видеть сержант, и указал на кабинет в конце коридора.

* * *

– Отличная стрельба, как я слышал, – сказал О'Мэлли, чье лицо, похоже, было сотворено из здоровенного куска говядины, а все остальное тело происходило из крупных кусков других парнокопытных. Его тушу плотно обтягивал синий мундир, все бронзовые побрякушки были должным образом начищены. Расчесанные на прямой пробор волосы были набриолинены, и в целом он представлял собой изящный довесок к миру, каждым своим дюймом – а их было немало – выглядя настоящим ирландским полицейским. – Прошел слух, у нас в тире появился серьезный стрелок. Вас всегда рады здесь видеть, хоть вы и федерал.

Он предложил Чарльзу сесть.

– Спасибо, сержант. Да, не скрою, в жизни мне пришлось два-три раза пострелять.

– Я слышал, речь шла о стрельбе на поражение.

– На войне, разумеется. Жаль все эти загубленные жизни, даже если говорить про немцев, но тут нужно попасть во врага до того, как он попадет в тебя. Затем по долгу службы пришлось столкнуться с вооруженными ребятами, и мое умение обращаться с оружием спасло мне жизнь. Сказать по правде – но я признаюсь в этом только человеку в синем, – мне, в общем-то, это нравится.

– Всем нам это нравится, шериф. Хотя я сам признаюсь в этом только человеку со значком. Так или иначе, я хотел познакомиться с вами, поговорить с метким стрелком и заверить вас в том, что вас всегда рады здесь видеть. Быть может, и мои ребята смогут чему-нибудь у вас научиться?

– Если так, буду только рад этому, – сказал Чарльз. – Но теперь, когда мы здесь одни, сержант О'Мэлли, я хотел бы прояснить другой вопрос. Не возражаете?

– Нисколько, – сказал ирландец.

– Я надеюсь привести своих ребят в порядок, – продолжал Чарльз, – и посмотреть, можно ли научить их уму-разуму, чтобы впредь никогда не повторилось то недоразумение, которое произошло в «Маленькой Богемии». Мне нужны лучшие стрелки в городе.

– О да, – согласился О'Мэлли, – разве это не похвально? Передать свои знания, приобщить всех этих адвокатов и счетоводов к стрельбе на поражение, чего, вероятно, им не дало их замечательное образование…

– Совершенно верно, – подтвердил Чарльз.

– О. Но, видите ли, тут возникает одна проблема. Мы не хотим отдавать свой тир посторонним на регулярной основе. Когда комиссар Оллмен собирается показать своим высоким гостям наше управление, он всегда заранее ставит меня в известность, и я поднимаю ребят в синем, так что когда комиссар спускается вниз, все дорожки заняты и все палят изо всех сил. Мы даже достаем парочку «Томми-ганов», и создается впечатление, что они у нас всегда при деле. Одним словом, идеальная огневая подготовка полиции. Комиссар счастлив. А когда счастлив комиссар, я тоже счастлив.

– Значит, я не могу рассчитывать на два вечера в неделю? Сюда можно приходить пострелять только по отдельности?

– Шериф может стрелять, когда только пожелает, поскольку всем известна его репутация честного слуги закона и все его уважают. А насчет остальных – боюсь, это невозможно. Конечно, они могут прийти, и если у нас будут свободные места, их пустят в тир. Но и всё. Вот так у нас обстоят дела, шериф. Сожалею.

– Полагаю, я мог бы сделать пожертвование какому-нибудь ирландскому обществу, и это разрешит проблему свободных мест?

– О, какая отличная мысль! Мне нравятся люди, которым не чужда благотворительность. Определенно, это поможет вашему делу. Вы быстро понимаете суть.

– Пусть мое просторечное произношение вас не обманывает. Я кое-что соображаю.

– Мне нравится человек, который понимает, что ему говорят.

– Вся беда в том, что бюджет у нас маленький и мы не сможем найти деньги на пожертвование в Пресвитерианскую общину Святой Марии по Первому округу.

– Ну, шериф, вы должны понять, что хоть вас я люблю и уважаю, вынужден довести до вашего сведения, что это ваша проблема, а не моя.

– А сочтете ли вы вашей следующую проблему: некоего итальянского джентльмена по имени Люченте Баррио, известного также как Счастливый Банан, в прошлый вторник видели выходящим из Пресвитерианской общины Первого округа, где, по слухам, он сделал еженедельное пожертвование. Однако поскольку Пресвитерианская община является общественной и, согласно федеральной лицензии, благотворительной организацией, вся его финансовая отчетность имеется в свободном доступе. И я на нее взглянул. Ваша организация утверждает, что общая сумма пожертвований не превышает пятнадцати тысяч долларов в год. Так вот, если Министерство финансов тряхнет Счастливого Банана и предложит ему десять лет за решеткой в обмен за показания о том, сколько в действительности он пожертвовал, и если эти деньги окажутся не оприходованы должным образом – я не говорю про налоги, успокойтесь, поскольку от благотворительной организации не требуется платить налоги с пожертвований, но она обязана полностью о них отчитываться, – Пресвитерианскую общину закроют за одну неделю. На федеральном уровне, а не на уровне штата Иллинойс. Сейчас, после ареста Большого Альфонса[16], Министерство финансов рьяно берется за подобные дела. И эта проблема будет уже вашей, сержант О'Мэлли, не так ли? И тот дом, который вы строите в Петроски, где такая замечательная рыбалка и такая чистая вода, – пожалуй, денег в загашнике не останется и нечем будет выплачивать закладную.

– Ах ты ублюдок! – воскликнул О'Мэлли.

– Никакой я не ублюдок, – спокойно возразил Чарльз. – Просто знакомлю своих друзей из чикагской полиции с порядками Арканзаса.

16 Имеется в виду знаменитый гангстер Аль (Альфонс) Капоне, которого в 1931 г. наконец удалось отправить в тюрьму как раз за неуплату налогов.

Глава 11

Маклин, штат Вирджиния
Наши дни

– Ты когда-нибудь слышал о «дыре памяти»? – спросил Ник.

– Э… да, кажется, это откуда-то.

– Из романа «1984» Джорджа Оруэлла. Работа героя книги заключается в том, чтобы переписывать прошлое. Все происходит в условиях диктатуры, и девиз государства гласит: «Тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее; тот, кто контролирует настоящее, контролирует прошлое». Так что этот тип роется в подшивках лондонской «Таймс» и стирает фамилии тех, кто теперь считается предателями. Он переписывает статьи без упоминаний о них, а оригинал бросает в «дыру памяти», где тот сжигают. Так что на самом деле «дыра памяти» – это дыра забвения.

– Хорошо, я понял.

Они сидели в кабинете Ника, у стены почета со свидетельствами его звездной карьеры в ФБР, коллекцией видеодисков с вестернами с участием Джона Уэйна, компакт-дисками симфоний Шостаковича и библиотекой книг по американской истории. Большой дом в колониальном стиле стоял в тенистом тупике жилого пригорода Вашингтона, жена Ника ушла куда-то по делам, день близился к вечеру, и друзьям было очень уютно вдвоем. Это было все равно что старый виски, и Ник действительно потягивал этот напиток, хотя Боб и не пил.

– Взгляни сюда, – предложил Ник, указывая на стол.

Там лежали пачки ксерокопий, с желтыми наклейками с указанием содержимого: Джон Диллинджер, Малыш Нельсон, Гомер ван Митер и так далее.

– Так вот, – продолжал Ник, – я изучил все это очень внимательно. Никаких упоминаний о твоем деде. Никаких Чарльзов Свэггеров. Он не существовал. Официально этого человека никогда не было.

– Я тебя понимаю, – сказал Боб. – Но тем не менее…

– Да, остается «тем не менее», громадное «тем не менее».

Боб отпил глоток теплой диетической кока-колы; лед растаял, что существенно ухудшило ее вкус. Теперь это было похоже на карамель, разбавленную оленьей мочой.

– Дружище, как мне хочется присоединиться к тебе, – сказал Ник, поднимая стакан выдержанного виски со льдом. – Но, сам понимаешь, врачи приказали. Что я могу поделать?

Он пригубил коктейль, наслаждаясь его мягким вкусом.

– Проклятие, какой же у него хороший запах, – пробормотал Боб.

– Братишка, ты бы попробовал, какой у него вкус!.. Ну да ладно, вернемся к концепции «дыр памяти». Как позволяют предположить определенные указания, твоего деда выбросили как раз в такую, и он бесследно исчез.

– Ты полностью владеешь моим вниманием, – сказал Боб.

Ник взял свой первый экспонат, страницу из дела Диллинджера. Боб увидел, что некоторые слова выделены прозрачным желтым маркером. Присмотревшись, он увидел, что везде выделено одно и то же слово.

– Бóльшую часть машинописных работ в чикагском отделении выполняла очень способная женщина по имени Элейн Донован, секретарша Первиса, – продолжал Ник. – Она была великолепной, опытной машинисткой, тут никаких сомнений, и очень прилежной, просто первый класс. Ее инициалы «ЭПД» можно встретить повсюду, по другую сторону от косой черты, обозначающей автора, «МП», «ХК» или «СК» – Мелвина Первиса, Хью Клегга или Сэмюэла Коули, трех восточных царей. Но в некоторых делах примерно каждая четвертая страница напечатана кем-то другим. Тот же кабинет, та же пишущая машинка, другой машинист. Если

присмотришься внимательно, ты увидишь, что левая рука у миссис Донован была очень сильная, и она ударяла по клавишам Q, W и E с большой силой. Но тот, кто печатал вставленные страницы, не был левшой, и у него удары по Q, W и E гораздо слабее. Не пойми меня превратно, он хорошо печатает, не делает опечаток, на клавиатуре виртуоз, но в одном пучке мышц на левой руке ему недостает силы.

Боб посмотрел на выделенное желтым слово и увидел, что это действительно так, особенно в отношении «E», поскольку их было больше всего, и они выдавали машиниста с головой. Эти «E» были заметно слабее, иногда удару совсем не хватало силы, и буква не пропечатывалась целиком.

– И эти страницы вставлены в…

– Да, да, – подтвердил Ник, – речь идет не о дополнительных страницах, добавленных в начало или в конец, а о перемежающихся страницах – находящихся в теле работы, которые естественным образом продолжают читаться с предыдущей страницы и так же естественно продолжаются на следующей. Я хочу сказать вот что: кто-то перепечатал только эти страницы, выбросил оригиналы и сделал замену. Что общего в новых страницах? Хороший вопрос. Жаль, что ты его не задал.

– Что общего в новых страницах? – спросил Боб.

– На всех этих страницах упоминается некий агент по имени Стивен Т. Уоррлис.

Боб снова изучил документ и теперь заметил, что имя агента выделено красным.

– Никто никогда о нем не слышал. А *это* уже что-то значит. Он не упоминается в мемуарах, его нет в списках сотрудников Бюро, он не значится в обществе бывших агентов, вышедших на пенсию, его нет в описаниях кампании тридцать четвертого года против гангстеров.

– Это фикция?

– Не просто фикция, а очень специфическая фикция, разработанная на заказ. В имени «Стивен» шесть букв, затем пробел, одна буква и точка среднего инициала, опять пробел и семь букв фамилии. В целом имя и фамилия занимают столько же пространства, как и «Чарльз Ф. Свэггер»; то есть если документы были перепечатаны, строки остались той же длины и не сдвинулись. Достаточно было только перепечатать страницы с именем Уоррлиса и оставить все остальные.

Боб задумался, впитывая все это. Кто-то, не Элейн Донован, предпринял значительные усилия, чтобы заменить страницы с именем Чарльза на другие, с упоминанием фиктивного агента. Разумеется, это если имя Чарльза действительно присутствовало на оригинальных страницах.

– Во имя всего святого, зачем это кому-то могло понадобиться?

– Это также означает, что были изъяты платежные ведомости, донесения – все бумажные следы работы Чарльза в Отделе. Конечно, точнее сказать, это *может* означать такое, и *ipso facto*[17] это нельзя считать доказательством. Однако никакого другого объяснения быть не может. Шансы того, что у кого-то еще было имя, полностью совпадающее с длиной печатного текста пишущей машинки «Ундервуд» модель 11-7Б, пренебрежимо малы.

– Картина ясна. На Чарльза разозлились очень могущественные люди.

– Чертовски разозлились, – подтвердил Ник. – И он оказался в «дыре памяти».

17 В силу самого факта (*лат.*).

Глава 12

Саут-Бенд, штат Индиана
30 июня 1934 года

Джек заметно нервничал. Он устроился неподалеку от непримечательного входа в Национальный торговый банк – это был не храм денег в древнеегипетском стиле, а простой фасад на Мичиган-стрит, под большими часами, зажатый между ювелирным магазином и ломбардом. Поджав губы, Джек курил сигару, бледный как полотно. Он был без плаща, потому что у него не было длинноствольного оружия.

Но он кивнул – подал знак, указывающий на то, что в назначенное время с почты прибыл почтовый инспектор со всеми деньгами. Хотя, о чем сообщил палец, всего один, а не двое.

– Отлично, – сказал Джонни. – Деньги пришли.

– Этот мальчишка надрищет в штаны, словно пьяный бродяга, которого заперли в кутузке, – сказал Гомер, как всегда, желающий сострить.

Остальные, сидящие в большом «Гудзоне», который Гомер медленно вел по улице, не сказали ни слова. Все тоже нервничали, ибо каким бы ни был опыт, когда в игру вступает оружие, когда начинают действовать силы, когда в воздухе свистит свинец, становится опасно. Вместо этого – учащенное дыхание, ненужная суета с оружием, сознательная релаксация, призванная справиться с возбуждением, мечущимся по салону машины подобно насекомым, угрожая усесться на кого угодно. Один только Джонни оставался совершенно спокоен.

– Всё в порядке, он хороший парень, – помолчав, сказал Диллинджер. Затем добавил: – Пока не останавливайся. Гомер, объезжай квартал еще раз, хорошо?

– Кукареку, уже кручу, – ответил Гомер, оглядываясь по сторонам в поисках полицейских.

Тем временем Лес, «Томпсон» с полностью снаряженным барабаном – сорок девять «сорок пятых», – под пиджаком на три размера больше (рукава доходили до кончиков пальцев, что придавало Лесу ребяческий вид, и шляпа, слишком большая, надвинутая слишком низко, только усиливала это впечатление: Микки Макгуайр с автоматом), размышлял над тем, как прикончить Гомера, – чисто чтобы не думать о тридцати фунтах стального пуленепробиваемого жилета, надетого под рубашкой, и маленьких муравьях пота, ползущих по спине.

– Нас ждут большие деньги, – произнес нараспев Гомер.

– Заткнись, певун из водевиля, – проворчал Чарли Флойд. – Прибереги свои шуточки для тюремного душа, когда там с тобой станут забавляться ниггеры.

Всё как в семье: все друг друга терпеть не могут, за исключением Джонни. Он – старший брат.

Гомер молча провел здоровенный «Гудзон» по Мичиган, свернул на Уэйн, затем с Уэйн на Главную. Он вел машину аккуратно, потому что все может пойти к черту из-за маленькой царапины на бампере или если полицейский заметит, как ты остановился под запрещающим знаком или проскочил на желтый сигнал светофора. Этот квартал маленького городка в центре Индианы проплывал в ярком солнечном свете мимо окон справа, открывая картины жизни американской глубинки, ничего не значащие для находящихся в машине, поскольку они сознательно предпочли жить вне ее чистого порядка, оптимизма, размеренности и спокойствия. Ими двигало не просто желание обладать тем, что им не принадлежало, но также потребность быть вне закона, не признавать никаких правил, иметь вес в своих собственных глазах, совершать дерзкие ограбления и, зная о неизбежном конце, упиваться своей репутацией до того самого мгновения, когда последняя полицейская пуля не попадет в цель, отправив каждого из них истекать кровью в сточной канаве в ожидании кареты «Скорой помощи», которую никто не удосужился вызвать.

Машина снова повернула направо на Джефферсон, после чего обогнула последний угол и вернулась на Мичиган-стрит, и поскольку никто не потрудился освободить место у тротуара, Гомер остановился прямо посреди проезжей части, во втором ряду. А почему бы и нет? Работа предстоит быстрая; им придется иметь дело с неотесанной деревенщиной.

– Хе, – усмехнулся Гомер, – нам могут выписать штраф за неправильную парковку.

Он не стал глушить двигатель, поставил машину на стояночный тормоз и прижал свой «Винчестер» калибра.351 к мешковатой штанине джинсового комбинезона, поскольку оделся по-деревенски, чтобы они не выглядели как одна команда.

Последняя сверка с Джеком, снова кивнувшим, на этот раз указывая на то, что полицейских нет ни внутри, ни на улице и вообще поблизости не шатается никто подозрительный.

Пришла пора работать.

– Нас ждут большие деньги, – пропел Гомер, повторяя глупый ритм песни из кино, – нас ждут большие деньги.

* * *

Рявкать лучше всего получалось у Чарли, поэтому первым пошел он. С силой ударил в двустворчатые двери, шагнул во внутреннее помещение, далеко не такое навороченное, как в других банках, где ему довелось побывать, пропустил Джонни к двери, ведущей к кабинкам кассиров сзади, после чего вытащил свой здоровенный страшный «Томпсон», картинно помахал им, как это делают в кино, и крикнул во весь голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.